

КЛУБ МИЛЛИОНЕРОВ

ДАРЬЯ БЕЛОВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дарья Белова

Клуб миллионеров

«Автор»

2024

Белова Д.

Клуб миллионеров / Д. Белова — «Автор», 2024

Маша. Когда-то Демид Исхаков разрушил мою жизнь до основания. Сейчас он вернулся и стал опасным, очень опасным. Только меня уже не испугать. Я пойду до конца, чтобы отомстить. Демид. Моя жизнь стала настолько скучна, что я ввязался в одну игру. Рисковую и полную неожиданных поворотов. Если бы я знал, что в этой игре встречу со своим прошлым один на один, решился бы сыграть в нее? Он тот, кто однажды ее уничтожил... Она та, кто изменит его жизнь...

© Белова Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Маша	5
Глава 2. Демид	7
Глава 3. Маша	9
Глава 4. Маша	12
Глава 5. Маша	15
Глава 6. Маша	19
Глава 7. Маша	22
Глава 8. Маша	25
Глава 9. Демид	29
Глава 10. Демид	32
Глава 11. Маша	35
Глава 12. Маша	39
Глава 13. Маша	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дарья Белова

Клуб миллионеров

Глава 1. Маша

– Важный гость за третьим столиком, Маша. Не подведи, – сухо предупреждает администратор смены и улыбается проходящим мимо гостям.

Сегодня четырнадцатый день, как я работаю официанткой в пафосном ресторане «Матильда».

Здесь тусклое освещение, много мужчин, сорящих деньгами, и у меня ужасно высокие каблуки, в которых приходится ходить по двенадцать часов.

– Не забывай улыбаться! – в спину летит предупреждение.

Мои губы растягиваются максимально, что я чувствую, как лопается кожа. Неприятные ощущения от этой искусственной улыбки.

Мужчина сидит ко мне спиной и листает меню, но уже успеваю почувствовать исходящую от него энергию власти, жестокости и холодности.

– Добрый день, меня зовут Мария. Я ваш официант на сегодняшний вечер. Вы уже выбрали, что будете заказывать? – спрашиваю уверенно, скрывая нервозность за все той же улыбкой.

Мужчина мажет по мне взглядом. Секундным, или того меньше. Но грудная клетка будто взорвана и раскурочена от его глаз.

– Сегодня акция...

– Стейк слабой прожарки, овощи на гриле и двенадцатилетний «Макаллан», двойной, – грубо перебивает и откидывает меню. Мне приходится нагнуться, чтобы взять его.

Его темный взгляд пожирает заживо. Я как под прицелом снайпера. Дышать боюсь.

А мужчина с наслаждением наблюдает за моей неловкостью и, кажется, его это забавляет.

Боковым зрением вижу ухмылку, от которой проносится что-то странное по спине и возникает не менее странное желание переодеться. На мне форма официантки, но юбка излишне коротка, а рубашка открывает не в меру много кожи в районе ключицы.

– Через десять минут ваш ужин будет готов. Желаете что-нибудь на десерт?

Ровно пять секунд мы смотрели друг другу в глаза. Долгие пять секунд, когда меня поместили словно под сканер. Он видит все: мое волнение, мой страх перед ним, как трясутся мои руки и как натянута моя улыбка.

– А что можете предложить? – бархатно спрашивает, почти нежно и соблазнительно.

– Три шоколада. Кондитер использует...

– Ну, несите. Ваши три шоколада, – снова перебивает.

Удаляюсь пущенной из лука стрелой.

Щеки горят, шея сплошь покрыта красными ужасными пятнами. За две недели я успела столкнуться с разными людьми. Кто-то хамил, кто-то вообще звал меня после смены в номер.

Но он... Он другой.

Забирая тарелки с едой с кухни, замечаю, что руки дрожат. Я волнуюсь, а мне важно, чтобы прошло все идеально.

Мужчина откладывает телефон, как только моя нога ступила в зал ресторана. И мне кажется, лишь на меня и смотрит. Каблуки эти еще, словно на башню взобралась.

– Пожалуйста, ваш стейк, и...

Тарелка оказывается очень тяжелой. Она падает прямо на его рубашку, и белая, чистая ткань становится в грязных разводах странного цвета.

Дыхание останавливается, сердце, наоборот, заводится, и пульс отбивает чечетку где-то у меня в горле.

– Прошу прощения, что так вышло. Ваш ужин...

– На моей одежде, я вижу, – несдержанно говорит, пригвождает меня своим голосом. Объемным и властным.

– Я сделаю все, чтобы возместить вам ущерб за испорченный костюм... – непозволительно долго уставилась в глаза гостя, которые сверкнули опасным огнем.

Демид Исхаков опасен. Очень опасен.

– Не предлагай того, о чем можешь пожалеть, девочка, – грубо отвечает.

Мне говорили, что подход к этому человеку найти очень сложно. Он замкнут, холоден и жесток.

Но отступать я уже не намерена.

Исхаков обводит меня и мое тело взглядом хищника – Шерхана – и скалится, когда я посылаю ему улыбку.

– Смелая.

– Не представляете, насколько, – отвечаю тихо.

Мы бьемся взглядами долго. За это время успела почувствовать, что аромат сладкого табака и горького перца обжигает горло, а, проваливаясь в желудок, взрывается кислотой.

Губы Исхакова криво изогнуты в дерзкую линию, его темные глаза с желтыми отливами жестокие, даже беспощадные. Волосы короткие, стрижка модная.

Ни одна фотография, которую я видела, не передает того, что вижу сейчас перед собой.

Исхаков поднимается со стула и, ничуть не смущаясь, уходит из зала.

Я общалась и находилась рядом с ним всего несколько минут, а ощущение, что он высосал из меня все силы и всю жизнь. Даже краски не такие яркие. Или я просто падаю в обморок...

– Что это было, Маша? – администратор награждает меня недовольным взглядом и ощупывает им, словно я случайно оказалась здесь.

– Я виновата, простите. Тарелка очень тяжелая.

– Это был Исхаков. Ты знаешь, что такой человек может сделать с тобой? С рестораном и со всеми нами?

Так и хочется прокричать ей в лицо, что я все это знаю. И даже больше, чем положено знать.

Потому что Демид – самое настоящее зло.

Ничего не ответив, ухожу в комнату для персонала и закрываю за собой дверь. На замок.

Из сумки достаю кнопочный телефон, старый, потасканный, и нахожу в контактах одно единственное имя – Хелен.

“Исхаков был здесь”

И отправляю.

Глава 2. Демид

Захожу домой, и меня встречает привычная тишина и пустота. Если прислушаться, можно услышать, как течет вода по трубам в лобби.

Прохожу в гардероб, снимаю с себя одежду. Действия настолько отточенные, что, если я вдруг потеряю память, мое тело в любом случае будет проделывать эту рутину.

До раздражающего чувства приелось все.

Наливаю в баре еще бокал «Макаллана» и залпом оглушаю.

Едкая, кислая субстанция обжигает язык, горло, стекает в желудок и вспыхивает сладким огнем. Во рту приятное послевкусие, и я наливаю еще порцию дорогущего виски.

– Свободна? – без приветствий спрашиваю любовницу, как только та ответила на звонок.

Трубку еще не сразу берет. Думает, буду волноваться.

А я бы просто сбросил вызов. Наша договоренность упирается в два пункта: верность и стабильность. Она трахается только со мной и всегда готова приехать.

– Здравствуй, Демид, – медовый голос смачивает все рецепторы, и я откидываюсь на спинку дивана и прикрываю глаза.

Твою мать, даже такое простое действие, как присесть на диван и отдохнуть, – тоже гребаная рутина. Я каждый день это делаю. Сажу ровно пять минут, пока звоню любовнице, затем иду в ванную и встаю под душ.

Семь минут стою под душем, в голове прокручиваю детали прошедшего дня и планы на завтра.

Быть хочется оттого, в какую схему я себя загнал. Гнал, гнал, чтобы быть тем, кем я сейчас являюсь и... оказалось, что это банальная, глупая ловушка.

– Свободна? – с нажимом повторяю вопрос.

– Ты же знаешь, что для тебя да, – голос ласковый, тягучий.

Усмехаюсь про себя. За такие деньги, что я каждую неделю ей отваливаю, она не имеет права быть занятой.

– Жду через час.

И сбрасываю звонок. Веду себя как настоящая скотина.

Взгляд бросаю на стеклянный журнальный столик, на котором обычный белый конверт. Несколько секунд думаю, открывать его снова или нет.

Подвешенное состояние, которое бесит. Выворачивает наизнанку какой-то клочок бумаги, за который заплатил столько денег, что даже с моими запросами и уровнем жизни я пребывал в полном шоке.

Самое безумное мое решение. И не свалишь, что был пьян. Был трезв, стеклянно трезв.

Но это первая эмоция за последние несколько лет. Дорогая какая...

Открываю и достаю фотографии.

Та девчонка из «Матильды». Обслуживает какого-то толстого страшного борова. Стучит тоненькими пальчиками по планшету и мило ему улыбается. Да она, черт, вся светится. Мне же она улыбалась так, словно обязана. Будто я высшее зло, которому она вынуждена подчиняться. От нее полыхало невообразимой злостью, как бы она ее не пыталась замаскировать. Я даже опешил.

Темные волосы, красивая фигура, невысокая. Обычная. Но вот глаза...

Глаза многое, что могут сказать о человеке.

Сегодня она сначала ими меня вылизала, потом отправила в ад, там я горел несколько часов. А затем в ее глазах читался испуг. Когда опрокинула тарелку на меня.

Испуг такой силы, что я видел, как трясутся ее руки и дрожит голос. Видел каждую мурашку на ее теле, пусть оно и было скрыто под одеждой.

Маша.

Мария Иванова, блядь.

Кто же ты такая?

Допиваю виски и, как я уже и говорил, иду в душ.

Арина приходит ровно через час. Знает, что я люблю точность и ненавижу опоздания. Наливаю порцию виски для любовницы и протягиваю ей.

Та мнется секунду-другую, берет и цедит мелкими глотками, по миллиметру изучая гостиную. Она здесь была тысячи раз, но каждый делает вид, будто находится впервые. Искусственное жеманство. Или кокетство, которое докучает, а следом злит.

– Говорят, в «Матильде» сегодня было представление?

– Следишь за мной?

– Нет, – необычно ровно отвечает, – Илона ужинала там с Вадимом, видела тебя. Мы могли бы тоже поужинать вместе.

Медленно подхожу к Арине, или Ариелле, как она себя представляет другим, разглядываю и втягиваю еле уловимые женские духи.

Ее зрачок увеличивается в таком темпе, что должна кружиться голова. Любовница в обычном черном платье. Минимум украшений и косметики. Светлые длинные волосы рассыпаны по плечам.

Надоедливая идеальность.

Арина не выдерживает моего взгляда, отворачивается и отходит к журнальному столику. Мало кто вообще выдерживает.

Поздно замечаю, как она берет со стола фотографии официантки Маши и бегло просматривает их.

Почему я не убрал их?

Внутри зверь просыпается. Царапает острыми когтями, пытаюсь выбраться наружу.

– Хм... Ищешь мне замену, Демид? Не ожидала. Тебя, – сбивается, – что-то не устраивает? – чуть дрожащим голосом спрашивает и смотрит прямо. Два тонких браслета позвякивают, когда она откидывает фотографии обратно.

– В спальню иди!

Арина молчит, смотрит в панорамное окно и хочется поторопить ее. Через час я должен сесть работать.

– Иногда мне кажется, что твоя жестокость не знает предела.

– Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моей жестокости, Арина, – четко выговариваю ее настоящее имя. Потому что какая она, на хрен, Ариелла?

Любовница облизывает красные губы – единственный яркий элемент в ее образе. Арина знает, как мне нравятся, когда они обхватывают мой член и двигаются по нему.

Как только девушка закрывает дверь в спальню, набираю своего помощника.

– Узнай про нее все, что можно.

Тишина на том конце обессиливает.

– ... но Вам нельзя, Демид Альтаирович.

Глава 3. Маша

На смену сегодня приезжаю с опозданием. Вчера долго не могла уснуть после встречи с Исаковым.

Тело ломало, и я то и дело вспоминала его карие глаза, которые отливали желтыми бликами. В прошлое возвращали...

И я просыпалась среди ночи несколько раз, меняла ночную сорочку, так как та от пота была мокрой насквозь. И вновь погружалась в какое-то забытие. Это был далеко не сладкий сон.

– Машка, жива после вчерашнего? – накидываются с вопросами, как только открыла дверь в комнату для персонала.

– Жива, – сухо отвечаю.

– И как тебя еще не уволили...

Страхиваю форму и быстро просовываю руки в рукава рубашки, застегиваю на мелкие пуговицы почти наглухо.

Девчонки еще о чем-то шепчутся. Возможно, все о том же: как новенькая официантка уронила тарелку с едой на самого Демида Исакова.

Я будто под куполом. Ничего не вижу и ничего не слышу. Местные сплетни меня не интересуют, а цели подружиться у меня нет.

– Слушай, а какой он? – Лиза, официантка, подходит ко мне со спины и тихо спрашивает.

– Кто он? – делаю вид, что не понимаю, о чем она.

– Ну как кто? Исаков, конечно. Говорят, он когда злится, на зверя становится похож.

По телу прокатывает знакомая дрожь, руки леденеют, и я перестаю чувствовать подушечками пальцев мелкие детали. Мерзкое ощущение, заставляет думать, что ты беспомощна.

Оборачиваюсь к Лизке и на полном серьезе говорю:

– Да, очень похож. Он груб, жесток. И я правда удивлена, почему меня не уволили из ресторана.

– Но еще он красив, – между делом замечает.

Глотаю воздух мелкими глотками. Чувство, что кожа покрывается пятнами, как вчера вечером, когда Демид пристально меня разглядывал.

Я помню каждый его взгляд на себе. Долгий, и... липкий. Он будто пытался меня разгадать, как чертов кубик-Рубика.

– Наверное, – пожимаю плечами.

У Исакова грубая красота, которая пугает. Но и оторваться сложно.

В горле пересыхает. И в который раз приходится напоминать, что этот зверь сделал со мной и моей семьей.

Быстро надеваю юбку, ненавистные высокие каблуки и, больше ничего не сказав девчонкам, первой выхожу в зал. А ведь я опоздавшая.

В ресторане пусто, слышно только, как бармен натирает посуду.

Прислоняюсь к свободной стене, прикрываю глаза. Никогда не думала, что буду работать официанткой. Грустно усмехаюсь, вспоминая, почему именно я здесь.

Хелен говорила, что трудно предсказать, как долго я проработаю в этом месте. Поэтому на самом деле стараюсь вникнуть во все тонкости и стать хорошим сотрудником.

Отвлекает курьер, который стучит во входную дверь, когда мы официально еще закрыты. На нем стандартная форма, а в руке тяжелая корзинка с цветами.

– Букет для Ивановой Марии, – говорит без эмоции.

Дышать боюсь. Сердце грохочет внутри тела, наращивая обороты. Я смотрю на цветы, которые селекционеры называли wow-розы, и не могу представить, что этот букет направили мне. Там, кажется, тысячи этих роз нежно-розового оттенка.

– От кого? – вмешивается подошедший администратор, просверливая ярким, но уничтожающим взглядом сначала ни в чем неповинного курьера, а потом меня.

Курьер жмет плечами. Ему все равно. А я и Лилия – администратор – знаем. Точнее, догадываемся.

Горло сжимает противный спазм, мешая говорить. Сложно пока принять, что Исхаков обратил на меня внимания. Меня охватывает слепой азарт и такой же страх.

– Ну, забирай свои цветочки, Маша, – обиженный тон Лилии заставляет схватиться за край большой корзины, будто мне издали приказ это сделать.

Расписываюсь и уношу цветы в комнату для персонала. Я даже не могу их сейчас понюхать, чтобы не привлекать внимание. Меня разглядывают как букашку в музее. Каждое пятнышко, каждый волосок. От такого пристального интереса хочется укрыться на глубине.

– Машка, это от него, да? – Лизка первой подбегает к моим цветам, наклоняется и втягивает сладкий аромат.

Торможу с ответом. Не думала, на самом деле, что столько внимания буду получать после встречи с Исхаковым. Я надеялась остаться незаметной и безымянной официанткой.

– Да, – коротко отвечаю, забирая карточку из середины букета.

Руки не слушаются, я чуть было ее не роняю прямо Лизке под ноги. Та могла схватить и прочитать. Это вполне в ее стиле.

Кожа на пальцах горит, когда я поглаживаю дорогую бумагу с золотым тиснением. Наверное, один такой клочок бумажки стоит как половина букета.

– Эй, Иванова, лучше бы я вчера уронила тарелку на Исхакова. Глядишь, цветы были бы сегодня на мое имя, – мечтательно закатывает глаза.

Ой, Лизка, поверь, если бы я могла все переиграть в своей жизни, никогда бы не приняла от такого человека цветы, никогда бы не встречалась с ним один на один.

Девчонки столпились вокруг корзины, о чем-то спорят. Я в это время открываю карточку. Без имени, без подписи. Адреса тоже нет. Только время. Скупые цифры – 18:00.

От того, чтобы разорвать записку на кусочки останавливает... сама записка. Такая красивая, будто в цветочном магазине, где Исхаков заказывал мне букет, вырезали ее с любовью. Я чувствую тепло, когда кручу в руках карточку.

Да и букет составлен с любовью. Каждый цветок на своем месте.

Но вот от зверя в этом «подарке» ничего нет.

Банальный жест. Намек, что он соизволил обратить на меня свое царское внимание.

Тошнит, и мутный гнев поднимается со дня воспоминаний.

– Иванова, пройдем со мной в кабинет, – директор без стука заходит к нам, разрезая смех девчонок и мои воспоминания. Как лезвием прошлась по воздуху.

Бросаю короткий взгляд на Лизку, на букет. Карточку убираю в шкафчик под стопку одежды.

Хм... карточка мне важнее цветов.

До кабинета идем молча, но быстро. И я догадываюсь, в чем причина этого внезапного разговора.

– Проходи, присаживайся, – тон смягчается, становится масляным. По мне лучше бы он оставался строгим, и... профессиональным.

Выбираю место на максимальном расстоянии от Лилии и директора ресторана. Они переглядываются между собой, посылают мне приторные улыбки.

Господи, это место пропитано фальшью.

– Цветы тебе прислал Демид Исхаков, мы правы?

Облизываю губы и стараюсь сдерживаться, чтобы не прокричать им в лицо, что это не их дело.

– Да, – отвечаю и выравниваю спину.

Изображать убийственное спокойствие сложно, когда внутри начинается апокалипсис со всеми вытекающими.

– И записка была?

Сглатываю. Пока смутно понимаю, к чему клонят эти две, и неприятный морозец проходит по спине. Предчувствие мерзкое, гнилое. Как перемороженное яблоко, у которого кожура осталась ярко-красной, а мякоть почернела.

– Была.

– И что в ней сказано?

Выдыхаю. Находясь я в другом положении, незамедлительно бы ответила им что-то язвительное и послала в пешее путешествие. Но сейчас я не могу. Просто не могу подвести Хелен и себя в первую очередь. Слишком многое стоит на кону.

– Просто время. Восемнадцать часов.

– Думаю, это время, когда тебя будет ждать его водитель.

– Свидание? – спрашиваю сломленным голосом.

Девушки усмеваются, отчего мне становится совсем некомфортно находиться здесь. Мысли жалят в голове. Зверь не ходит и не приглашает на свидания. Зверь берет, что захочет, и пользуется.

Дурно становится, перед глазами картинка плывет и смазывается. С каждым днем я ненавижу Исхакова все сильнее.

– Машенька, Демид Алтаирович очень богатый мужчина. Очень занятой, и... ты можешь воспринимать это как свидание.

Гнев, боль и разочарование стискивают тело и давят на грудь.

– И такому человеку нельзя отказывать. Тем более, после того, что произошло вчера.

Секунду я смотрю на девушек, сжав зубы. И больше всего на свете хочу выбежать отсюда, закричав. Я любви хочу, искренней, красивой, чистой. Но меня сейчас в такой грязи валяют, что уже не имею потом права на эту самую чистую любовь.

– Ты же не откажешь такому человеку?

– Не откажу. Но не потому, что это выгодно вам, а потому, что это нужно мне.

Девушки мало поняли, что именно я им сказала. Но главное для себя они услышали – я пойду с Исхаковым.

Глава 4. Маша

Черный «Майбах» останавливается напротив входа в ресторан, как только я выхожу на улицу. На часах ровно шесть часов вечера. Я успела лишь переодеться в то, во что пришла утром.

Ставшие привычными обычные темно-синие джинсы и вязаная кофта. Каблуки теперь заменяю на удобные кеды. Сверху накинута обычная куртка серого цвета. Все просто.

– Добрый вечер, Маша, – Исаков выходит из машины, открыв заднюю дверь. Конечно, у него же водитель.

Внимательно рассматриваю зверя.

Классический костюм, начищенные туфли, безупречно уложенные волосы без грамма геля. Словно они от природы ложатся идеально. И дорого.

Пахнет зверь вкусно. Роскошный мужской аромат.

– Приятно, что Вы вовремя.

Тереблю свою маленькую сумку и постоянно кошусь на машину. От одной мысли, что сейчас придется сесть внутрь и быть так близко к Исакову, выбивает почву из-под ног, и я лечу вниз, хватая воздух ртом.

Смотрю на сильную шею Демида исподлобья, не решаясь встретиться с его взглядом.

Я помню, как он вчера смотрел на меня.

И еще больше боюсь, что ждет от меня Исаков.

Демид отходит в сторону и приглашает меня сесть.

Пассажирское сиденье пусто. Я дрожу как последний осенний лист, когда чуть наклоняюсь. В нос ударяет аромат салона, смешанный с запахом зверя. Дурманящие пары. Горло обжигает как кислотой.

– Боишься? – спрашивает низким голосом, который под кожу забирается и царапает.

Сознаться – показать слабость.

Зверь не любит слабых, не любит страх. Чтобы быть с ним на равных, нужно принять правила его игры.

– Мне следует?

Говорю спасибо всем высшим силам, которые помогли сохранить мой голос твердым и ровным.

Темный взгляд буквально пожирает меня по кусочкам. Губы искривляются в ухмылке, и от нее неожиданно рвется дыхание.

– Помнится, вчера ты сказала, что сделаешь все, чтобы загладить свою вину, – припоминает он мои слова.

Его сила одуряет, я маленькой несмышленной девчонкой уставилась на лицо Исакова, понимая, что один мой промах, и зверь сотрет меня в порошок, не поморщившись.

– Не бойтесь, Маша, Вам правда ничего не угрожает, – смягчается. Его голос меняется. Лишь глаза продолжают светиться желтым.

Сажусь в салон и слышу, как шум улицы отрезается тихим хлопком двери.

Ну вот и все.

Через пару секунд, когда Демид обойдет машину, мы останемся с ним один на один, не считая водителя. Пространство внутри тесное, несмотря на то, что это «Майбах».

Чувствую, как воздух электризуется, становится тяжелым и влажным. Зверь еще не рядом, а я ощущаю его повсюду, в каждой маленькой детали, в каждой клетке.

Из окна наблюдаю, как Исаков кому-то звонит. Он не спешит. Изредка бросает взгляды ровно на меня, хотя окна затонированы наглухо.

Становится не по себе, что даже так он знает, где я, видит мои глаза. И кажется, можно расколоть меня за считанные секунды.

– Вам понравились цветы, Маша? – спрашивает, как только забирается в салон.

– Да. Хочу Вас поблагодарить, – выжимаю из себя улыбку.

Правая рука Исакова лежит на сиденье. Красивые мужские пальцы и сексуально выпирающие вены на тыльной стороне ладони.

Этой рукой он касается своей любовницы, наверняка, ей нравится, и она просит его не останавливаться.

А меня настигает странное чувство, и становится ужасно душно. Тесно. Грудную клетку стянул обожженный металл.

– Ты уже успела многое обо мне услышать, Маша, – не спрашивает, уверенно говорит. Что-то мне подсказывает, Демид знает, что о нем говорят.

– Да.

Без тени сомнения поворачиваю голову, и мы встречаемся взглядами.

Губы загораются, кожа вспыхивает, а тело предательски отзывается на его голос и цвет его глаз. Я помню их, всегда помнила. В кошмарах мне снились. А сейчас... они завоораживают. Как бы все тайны не выложить.

Он крепче сыворотки правды действует.

– Что у меня серьезный бизнес, что раньше я работал с бандитами и сам был одним из них, что убивал...

Демид говорит ровно, без запинки. Меня от каждого его слова протыкает острым копьем. В самый центр, задевая сердце. Но я все еще жива, дышу как-то, сдерживаю слезы.

– А еще говорят, что Вы очень опасен, – хрипло отвечаю.

– Смотря для кого, Маша. Но Вам ничего не угрожает, – улыбается.

Застываю над его улыбкой, не веря, что зверь вообще может это делать.

Да он несколько своих лет скидывает, когда улыбается.

Ломает от желания сказать, чтобы он чаще это делал, что улыбка ему идет. И я совершенно не понимаю себя, когда улыбаюсь в ответ.

Мгновение, и ток заискрил, словно произошло короткое замыкание. Вспышка, соленый вкус на языке, и сердце стучит без остановок.

– Мы приехали, Маша.

Исаков выходит из машины первым, обходит и открывает мою дверь. Долго смотрю на протянутую руку, не решаясь вложить в нее свою.

Вспоминаю, что именно этой рукой он ласкает очередную любовницу. А еще ест, распиывается на документах, подает девушке...

Его ладонь теплая, даже горячая. Он тут же обхватывает ею мою руку и тянет на себя, пока я попросту не врезаюсь в его тело.

Задыхаюсь от наглости, и... непонятного чувства в животе.

Заставляю себя очнуться от непозволительного наваждения и снова выдавливаю улыбку.

Он зверь, монстр. Демид Исаков, который разрушил мою семью.

С трудом забираю свою ладонь и устремляю взгляд на двухэтажное здание. Сглатываю, перевожу дыхание после душного салона и облизываю пересохшие губы.

– Скажете, где мы?

Демид становится позади меня так близко, что я чувствую, как его тело пышет жаром.

– Ресторан.

– Из одного в другой? – чуть не смеюсь, вовремя осекаясь.

Исаков замечает мой сарказм, но сам бросает стеснительную усмешку и тупит взгляд на огромные окна напротив.

– Банально. Я снял зал, чтобы мы могли побыть вдвоем.

Щекотка проходится по шее и спускается по позвоночнику вниз.

Почему мне кажется это милым и даже романтичным?

– Вы же не боитесь остаться со мной вдвоем?

Флиртующие нотки ощущаем мы оба. Они как сладкий пар окольцовывают мысли, и я вновь улыбаюсь зверю.

Что ж, в чем-то мне играть не приходится. Потому что приятно.

– Я ехала с вами в одной машине в неизвестном направлении. Это должно уже вам о чем-то сказать.

Закусываю губу. Само как-то вышло. А Исхаков, наоборот, стал серьезным. Его молчание заставляет откатиться назад и вспомнить, что именно было сказано, раз он резко изменился.

Провалилась? Обидела? Наглела?

Ничего не понимаю.

– У вас очень красивый голос, Маша.

Неожиданные слова звенят колокольчиками в ушах. Еще не хватало влюбиться в Исхакова и запороть все дело.

– Спасибо, Демид Альтаирович.

– Демид. Я не такой уж и старый, – снова эта ухмылка, которая, вполне возможно, его фирменная. Он же женщин с ума может сводить, знаю. Послужной список насчитывает сотни. Искушенный, избалованный представитель. Таких сейчас называют альфа.

Надо помнить об этом, Маша!

– Мне тридцать семь.

Дарю быструю улыбку и сразу отворачиваюсь. Воспоминания душат, и снова перед глазами темнота и затхлость в носу. До тошноты и рези в желудке.

Моему отцу тоже было тридцать семь, когда все это случилось.

Унять проснувшуюся дрожь практически невозможно, и Исхаков не может не замечать моего состояния. Как хищник окутывает своей аурой перед тем, как вонзится клыками и терзать ни в чем не повинного крошку.

– Что-то случилось?

Один, два, три... секунду – вдох, еще секунды – выдох.

– Все в порядке. В машине было очень душно, а я... не люблю духоту.

Короткий кивок.

И снова Исхаков протягивает мне ладонь. Когда я вкладываю в нее свою руку, миллионы мурашек устремляются по руке, и я теряюсь в сносящих с ног новых ощущениях.

Глава 5. Маша

Я впитываю взглядом интерьер ресторана. В нос врезаются запахи краски и еды, а еще чего-то сладкого и немного терпкого, будто за дверью курят кубинские сигары.

Двигаюсь вперед, по пути цепляя глазами тяжелые портьеры, которыми разделены столики. Удачное решение по задумке, на практике смотрится избито и пафосно.

И такое нравится Исакову? Вроде у него нет проблем со вкусом.

– Вы так мило хмуритесь, Маша. Что-то не нравится?

Кажется, зверь все чувствует, чем изрядно меня пугает.

Я и так вся как на иголках и стараюсь контролировать эмоции, но не прошло и пяти минут, как Демид четко почувствовал смену моего настроения.

– Ну почему же? Все прекрасно, – выдавливаю стандартные фразы.

Исаков не верит, но не настаивает на ответе.

– Тогда прошу.

Он отодвигает мне стул, а я смотрю на мягкую бордовую обивку и чувствую себя в какой-то западне. Колени дрожат, мешают сесть элегантно.

Зверь ведь привык видеть это в своих женщинах.

Взгляд Демиды, не отрываясь, смотрит на меня. Выжидает, как охотник свою жертву.

Безумные ощущения, жаль, не получится их смахнуть с себя, как пыль.

– Благодарю, – отвечаю вежливо и присаживаюсь на предложенное место.

Зверь садится напротив. Столик маленький, на нем едва уместятся две тарелки и приборы. Поэтому и расстояние перед нами почти ничтожное. Колени вот-вот соприкоснутся, а если подвинуть руку вперед, то и пальцами можно дотронуться до руки Исакова.

От такой близости конкретно так лихорадит.

– Давно Вас никто не приглашал? – спрашивает, а я все по сторонам смотрю. Кажется, мы одни здесь. Я слышу даже протяжное эхо.

– Давно. Да и просто странно находиться в ресторане в роли гостя.

Снисходительный хмык. Конечно, он миллионер с огромным состоянием, а я как бы нищая девушка, которой посчастливилось устроиться в хороший ресторан.

Будь на месте меня другая, она бы в душе визжала от радости.

– Расскажите мне о себе, Маша.

Исаков всегда так выделяет мое имя, будто оно ему нравится. А еще странно подкупает его обращение. У нас разница пятнадцать лет, а он на “вы” ко мне. Смешной.

– А вы разве ничего не знаете?

– Поверьте, нет. Ни-че-го.

Не озвучив заказ, нам выносят два блюда с каким-то ароматно пахнущим мясом. Слюна скапливается во рту. Если я сию же секунду не попробую хоть кусочек, умру.

– Надеюсь, вы не вегетарианка?

– К счастью, нет, – выдыхаю.

Иногда общение со зверем обычное, словно мы ни раз уже с ним ужинали.

– Ну, Меня зовут Маша. Фамилия Иванова. Мне двадцать два года, – говорю как заученный текст и отчего-то смущаюсь. Его улыбка мягко обволакивает.

Пожалуй, если бы я не была тем, кем я есть, а мужчина напротив – не Демидом Исаковым, я бы могла в этого человека и влюбиться.

Его глаза сейчас теплые, нет никаких желтых бликов, губы расслаблены. Изогнутая линия манит. И ему по-настоящему интересно узнать, что за девушка сидит напротив него.

– Опыт работы?

– Прощу прощения? – сбивчиво спрашиваю. Может, мне показалось? Потому что прозвучало это... непонятно.

А Исхаков еще шире улыбается и облизывает губы. Интересно, со своей любовницей он такой же? Или все очарование заканчивается после первого свидания? Или первого секса?

– Вы будто на собеседовании. Я уже жду, когда вы достанете свое резюме.

Хихикаю в ответ. И правда. А у меня ладошки успели вспотеть, когда я представлялась.

– Хорошо. Начну сначала.

Чувствую себя несколько пьяной, но я не брала в рот и капли алкоголя.

– Я Маша. Мне двадцать два, и я работаю в ресторане «Матильда» официанткой. Закончила... – запинаясь. Его взгляд такой остро-сладкий, что я чуть не начала рассказывать правду, – институт, но по специальности пока не устроилась. Вот чтобы не терять времени, на жизнь зарабатываю, разнося еду. Свою ноги вместе, в руках истерзанная салфетка. Мне правда кажется, что у нас настоящее свидание. Мое волнение неподдельное, сердце шаршит объемными ударами по всей грудной клетке. Так и в обморок упасть недолго.

– А я Демид. Фамилия Исхаков. Владелец «РуссГрупп». Образование получил, когда уже работал, а начинал вообще с открытия точек СТО, – легко рассказывает.

Улыбка на моем лице становится натянутой, потому что в душе я уже не хочу улыбаться. Я же знаю, с чего начинал Исхаков и как пришел к такой высоте.

Дышу через нос, но воздуха вновь не хватает.

Его взгляд постоянно бродит по моему лицу, и когда мои мысли меняются, перемещаются в прошлое, или я думаю о том, что Исхаков – зло, Демид чувствует это, и его глаза опять меня пугают.

Странная связь, которую нужно разорвать.

– Можно вопрос? – набираюсь смелости.

– Конечно.

– Почему я?

Демидов откладывает приборы и откидывается на спинку.

В зале повисает молчание, тишина тяжелая как плита. Мой рот будто зашили, я даже не могу его открыть и снова что-то сказать. Демид ворует мои мысли, мое дыхание, встраивается в меня.

Сил сопротивляться все меньше и меньше.

Исхаков опускает свой взгляд чуть ниже, где начинается ворот моей кофты. Ее стоимость дешевле, чем стакан в этом ресторане.

Но Демид это не смущает. Он словно срывает ее с меня, оставляя в одном нижнем белье. Я чувствую, как он прокладывает дорожку из своего взгляда по ключице в ложбинку между грудей.

Внутри разрастается непривычная, пугающая сладость.

Никогда не получится стереть эти ощущения, хоть наждачкой три.

– Если скажу, что понравились, вы же мне не поверите?

– Я вам не могу нравиться. Потому что вам нравятся другие.

– И какие же? – удивленно вскидывает брови и локтями упирается в стол.

Нависает надо мной, хотя наши глаза на одном уровне. Даже дыхание почти одно на двоих.

В зале уже не пахнет сигарами, лишь дорогой запах Исхакова.

– Изысканные, ухоженные, манерные... красивые.

– А вы не красивая?

Отворачиваюсь и разрываю контакт. Если хоть лишнюю секунду посмотрю в его глаза и правда поверю, что я ему понравилась.

Господи, все запутывается с первой нашей встречи.

– Если Вы думали, что таким образом собираетесь предложить мне стать Вашей любовницей, то глубоко ошибаетесь, Демид Алтаирович. Я, может, не такая красивая, как Ваши женщины, но я... неглупая.

– Я никогда не ошибаюсь, Маша, – строго, почти зло говорит Исхаков.

Меня оглушают его слова, и на мгновение теряю связь с реальностью. Но продолжаю сидеть с ровной спиной, иногда поглядывая на зверя.

– Но Вы неверно восприняли мои действия. Ошиблись.

Ножка бокала готова треснуть от силы, с которой я ее сжимаю. Мои челюсти сцеплены, ведь его самоуверенность только распаляет желание его наказать.

Такие диаметральные чувства.

Минуто назад я чуть было не влюбилась в зверя, а сейчас снова хочу его уничтожить.

Что же будет дальше?

– Хотя, не скрою, своей прямоотой вы меня удивили.

Исхаков помогает мне выйти из-за стола в конце ужина, отодвинув стул. А потом подставляет руку. Не ладонь.

Мне нужно будет ухватиться за его предплечье.

Смущенно смотрю на Демиду, не решаясь до него дотронуться. Он наверняка сильный, крепкий.

Я боюсь, что мне понравится.

– Я так Вас пугаю, Маша?

– Н-нет.

Облизав губы, просовываю руку и вправду чувствую напряженные, стальные мышцы. От них мощное тепло исходит, как батареею обняла. И даже обидно становится, как такой красивый, крепкий мужчина может быть злым и холодным.

– Почему мне кажется, что вы все еще меня боитесь?

Качаю головой.

Часто моргаю, стараясь прийти в норму после близости с Демидом. Он даже когда говорит, вибрации его голоса расходятся по телу и приятно задевают мои нервные окончания.

– Может, не совсем убедили?

Веду плечами.

– Адрес свой назовете?

Взгляд устремляю под ноги. Не сказать – нельзя, а сказать – зверь будет знать, где я живу. Хотя при всем желании, он и так сможет все обо мне узнать. По крайней мере, адрес и номер телефона.

Скрепя сердце называю адрес.

За всю поездку Демид ни разу ни на что не намекал. Не касался, не подмигивал. Я не знаю, как мужчина намекает на интим понравившейся женщине, но здесь я уверена, что Исхаков будто и не заинтересован мной.

Это облегчает сегодняшний вечер, но усложняет задачку.

– На этом все? – задаю странный вопрос. Другого в голову не пришло.

– А вы что-то еще хотели? – почти смеется. И я вновь, как снежинка, таю от этой открытой улыбки.

Забавной, наверное, в его глазах вижу.

А забавную не хотят. Тем более такой, как Демид.

– Нет-нет, – спешу ответить.

Исхаков уезжает, даже не убедившись, что я зашла в подъезд.

Нужно что-то менять, иначе я его упущу.

Поднявшись на этаж и попав домой, сначала закрываюсь на все замки, включаю везде свет. Снова проверяю, закрыта ли дверь. И только потом пишу короткое сообщение Хелен:

«Исхаков после свидания отвез меня домой».

Глава 6. Маша

В свой выходной все равно встаю рано. Даже без будильника. За годы учебы в университете привыкла. Окна моей квартиры располагались на восточной стороне дома, да еще и на последнем этаже. И яркое солнце заполняло комнату до предела. Спать было просто невозможно.

Я делаю привычную разминку, привожу себя в порядок в ванной и собираюсь на встречу с Хелен. Последний раз мы виделись перед первым моим рабочим днем в ресторане.

Тогда я была полна энтузиазма, даже тело трещало от наполненности. А сейчас во мне поселился не просто страх, а, скорее, осознание, куда я влезла.

Подходя к кофе, замедляю ход. Сердце не на месте. Какая-то пустота внутри, которая гулко бьется по всем костям.

Я вижу черный затылок Хелен, ее аристократическую осанку. Как женщина изящно берет чашку с эспрессо и отпивает маленький глоток.

В горле даже чувствую кофейную горечь, которая стекает вниз.

Становится дурно. От Хелен всегда исходила странная энергетика. Ей хочется верить с первого слова. Она красива, умна, начитана. Начинаешь видеть себя такой же, если будешь следовать ее советам.

А потом, отойдя за угол, флер, как туман, рассеивается.

Как и сейчас, еще несколько минут назад я боялась встречи с ней. Банально потому, что она четко уловит в моей истории, где соврала и что на самом деле я чувствовала.

В какой-то степени она похоже на Исхакова, только в женском обличьи.

И... кто знает, кто из них на самом деле опасней?

– Моя дорогая, ты чудесно выглядишь! – Хелен осторожно целует меня дважды в обе щеки и садится обратно.

Ее большие темные очки в толстой оправе лежат на столе, и я помню, как мы их вместе покупали. Тогда я была очарована этой незнакомкой, которая рассказывает обо мне такое, что приводило в шок.

– Я взяла на себя смелость и заказала тебе кофе и ягодный боул.

– Спасибо, – тихо произношу, взглядом очерчивая ее хрупкую фигуру.

Она такая маленькая, но всегда на каблуках. А еще ее прическа как из 60-х, и она четко напоминает мне Анну Винтур (**прим. автора:** бессменный главный редактор американского издания «VOGUE».) – Ты уверена, что он за тобой не следил? – наклонившись ко мне, спрашивает.

Хелен всегда пахнет одними духами – Шанель №5.

От тяжести этого запаха все мысли падают, и я теряюсь с ответом.

– Думаю, нет. И вообще, мне кажется, он не стал бы заниматься таким... Исхаков...

Хелен бесцеремонно перебивает. Я делаю в голове зарубки, что это знак, и не стоит пока делиться с женщиной своими догадками относительно Демида.

– Расскажи мне, как все прошло?

– Свидание?

Как-то радостно его вспоминать. Хоть это и свидание с натяжкой. Зверь просто написал время, когда будет ждать. За свою жизнь мало ходила на встречи с парнями, но даже я знаю, что так не делают. Попахивает абюзом.

– Моя дорогая. Это не свидание. А твоя... работа.

Сглатываю.

Я помню условия, помню правила. И помню то, что мне это в сумме даст.

С силой стискиваю ноги вместе и коленки больно ударяются друг об друга. Какая-то непонятная моему телу дрожь охватывает спину и область живота.

– Если честно, то ничего особенного. Демид интересовался мной. Говорил, что я красивая. Не прямым текстом, конечно.

Вспоминаю его прошибающий насквозь взгляд, которым он касался, и глупо расплываюсь в улыбке. Это пугало, настораживало, и... возбуждало.

Закусываю губу и поднимаю свой взгляд на Хелен. Она – ноль эмоции. Там восковая маска.

Только сейчас, приглядевшись, замечаю, что у женщины почти нет морщин. Даже мимических. Хотя ей должно быть лет сорок пять? Пятьдесят? Странная она, без возраста.

– Продолжай, – сухо говорит.

Пальцы перекрещиваю и сильно сжимаю, пока не слышу хруст. Нервничаю, усидеть ровно на месте сложно.

Раньше ведь мне не приходилось отчитываться ей.

– Я думала, он хочет предложить стать его любовницей.

– Ты озвучила ему эту мысль?

– Да. Но он... сказал, что это ошибка.

Хелен откидывается на спинку металлического стула, скрещивает руки. Взгляд направлен строго на меня, но будто проходит насквозь.

Я чувствую, как холодная тонкая стрела пронизывает кожу, органы, и выходит со спины. Боже, это очень неприятно. Взгляд сейчас ее неприятен. Будто это вовсе не Хелен.

– Очень интересно, – бурчит под нос.

Официант приносит мой кофе и боул. Я не завтракала дома и напала на еду, пока Хелен все так же изучающе сканировала меня взглядом. Не хуже рентгена, надо сказать.

– И ваша встреча закончилась тем, что Исхаков просто отвез тебя домой?

– Именно. Адрес спросил даже. Я думала, Демид должен же что-то выяснить обо мне, перед тем как на свидание приглашать.

Хм... приглашать. Зверь не знает ничего о манерах настоящего мужчины. Он ведь может только брать, присваивать и уничтожать.

– Больше ничего не сказал? Дату новой встречи, например?

Веду плечами.

Я правда не знаю. Потому что сама встреча была странной. Мне показалось, что Исхаков не такой уж и ужасный, да и мне понравилось с ним быть за одним столом. Ну, в какие-то моменты.

И смех его классный, улыбка. Он... живой.

Я, разумеется, обо всем этом молчу. Не знаю почему. Чувствую, что Хелен не обязательно об этом знать.

– Ты улыбаешься...

Все внутри съезживается и превращается в одну крохотную точку. Это не был вопрос, но отчего-то, мне кажется, Хелен ждет от меня каких-то слов.

– Вечер был не так уж плох.

Ее короткая усмешка выбивает меня из колеи. Взмах ее наращенных ресниц вышибает почву.

Я переживаю сейчас больший стресс, нежели перед встречей с Демидом.

– Дорогая, Маша, помнишь главные моменты, которые мы с тобой проговаривали перед началом нашего, хм... дела? Чтобы все вышло удачно?

Сипло втягиваю воздух. У меня отрезали возможно увести взгляд. Прикрепили к глазам Хелен. Кажется, только ее и вижу, только ее и слышу.

Голос мягкий, приятный, а мурашки табуном рассекают мою кожу. До ран, до чесотки. Хочется протянуть руку за спину и расчесать мелких предателей. А их сотни, тысячи, миллионы!

А я сижу на стуле, как прикованная.

– Помню.

– Но я все же повторю. Первое и самое главное: не влюбляйся в Исакова. Он жесток, беспринципен. Он раздавит тебя, стоит ему учуять влюбленность. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, моя девочка.

Все ее слова хуже пуль, которые когда-то были пущены в меня. Они заняли прежние места.

– Но твоя задача, чтобы он стал зависим от тебя. Сложно, но... Для этого я тебя и учила. Ты знаешь, какие женщины ему нужны, какие нравятся. Стань одной из них, но привнеси что-то новое, частичку своей молодости, непосредственности. Открытости. То, отчего ему будет рвать крышу.

Рвать крышу – звучит смешно от Хелен. Она обычно так не выражается.

– Помнишь, чем может закончиться любое твое свидание с Исаковым? – прищуривается.

А у меня вдоль позвоночника стекают капли пота. В помещении нежарко, но у меня ощущение, что меня затащили в раскаленную гончарную печь. И с каждым взглядом на Хелен я начинаю гореть.

– Да.

– Не тяни, но и не соглашайся сразу. Посади его на крючок. Используй все, что успела узнать.

Глава 7. Маша

Вечером у моего порога уже трется курьер. В руках парня несколько пакетов с именами известных брендов. Узнаю каждый, и у меня нет сомнений, кто бы мог все это для меня заказать.

По привычке достаю телефон из сумочки, чтобы написать Хелен.

И тихо убираю его обратно.

– Иванова Мария?

Киваю.

– Вам доставка. Примите, пожалуйста.

А Исхаков шустрый...

Терзает мысль, он сам все это заказывал или попросил заняться рутинной секретаря? Личного помощника? Господи, ну не любовницу же!

Открываю пакет, сдвигаю шуршащую бумагу в сторону и вытаскиваю красивое вечернее платье вызывающе-красного цвета. Шелк, настоящий, последняя коллекция. Платье стоит целое состояние. Понимаю, Демид может позволить себе многое. Но тратиться на какую-то официантку?

Интересно, он со всеми такой щедрый?

У Демида далекоидущие планы. Или я принимаю желаемое за действительность.

Потому что если говорить откровенно, мне приятны ухаживания Исхакова. Несмотря на то что могу позволить себе купить такое платье хоть завтра.

Из коридора доносится приглушенная трель моего телефона. Откидываю подарки и несусь сломя голову.

Дурная...

Чуть косяк мизинцем не зацепила.

– Добрый вечер, Маша, – вибрация его голоса профессионально прокалывает каждую клеточку в моем организме.

Посмотрев на себя в зеркало, подмечаю, что я улыбаюсь. Хорошо Хелен не видит этого.

– Добрый вечер, Демид.

Нужно было потренироваться, чтобы мой голос звучал более соблазнительно и томно. А не так, как сейчас. Как радостный подросток, получивший звонок от поп-звезды.

Бр-р... Все, чему учила Хелен, вылетает из головы с первой секунды нашего разговора со зверем.

– Вы получили?

Присаживаюсь на старый пуфик, из которого уже торчат нитки. Кажется, меня ведет, голова противно кружится. Не то от волнения, не то от какого-то ожидания. Я же еще ни разу не общалась с Исхаковым по телефону.

– Да, спасибо. Это неожиданно.

Молчание ненадолго разъединяет. Но я прекрасно вижу перед собой, как Демид сидит в огромном кожаном кресле, приставив телефон к уху. И картинка такая соблазнительная, живая, что мне захотелось очутиться с ним в одной комнате. Рядом.

– Я заеду за вами через час. Вам хватит времени, чтобы подготовиться?

“К чему?” – так и просится.

– Можно уточнить... – не смею продолжить. Надеюсь на какую-то догадливость зверя.

Неужели все его женщины не испытывали смущения или волнения?

– Хочу кое-что Вам показать, – снова обтекаемо отвечает, – через час, Маша?

Отрываю телефон от уха, взглядом фиксируя время. У меня уже паника. О каком часе он говорит? Я не успею. Ведь надо, чтобы все было идеально, все, согласно плану.

– Д-да.

Исхаков не прощается. Все-таки он редкостный мудака. Вроде обходительный, но кто ж сбрасывает вызов, не сказав девушке «до встречи»?

Собираюсь особенно тщательно. В голове засела фраза Хелен.

Исхаков может отвезти меня к себе после любого свидания. Сомневаюсь, что Демид будет спрашивать. Даже сейчас не поинтересовался, свободна ли я вечером. Просто «будете ли готовы через час?»

Еще никогда в своей жизни я не волновалась так перед встречей с мужчиной. Внутри раздрают разные чувства. И каждую минуту они меняются. Сначала мне и в самом деле нравится эта затея и таинственность, а потом охватывает ужас от понимания, куда все катится. Если не справлюсь, меня сильно зацепит.

Думая над дальнейшим, тушью задеваю верхнее веко, приходится перекрашивать.

Руки трясутся, губы искусаны и выглядят зацелованными и припухшими. Исхаков подумает еще что-нибудь не то. У него взгляд подмечает самую крошечную деталь.

Через час поправив лиф платья и надев высокие каблук, спускаюсь. На улице еще холодно, а я вырядилась как на бал.

Сверху полушубок, в руках маленький клатч, где поместились только телефон и ключи от квартиры. В которую, возможно, этой ночью я не вернусь.

Майбах Исхакова уже поджидает меня.

Как и в прошлый раз, Демид выходит из машины и уступает мне свое место, а сам обходит салон и садится с другой стороны.

От него так вкусно пахнет, не как обычно. Чем-то свежим, ледяным. Если закрыть глаза, можно подумать, что ты на Северном полюсе. Даже кожа покрывается непробиваемой корочкой льда.

– Вы чудесно выглядите, Маша.

– Вы тоже. Красивый, – брякаю и тут же краснею.

Демид коварно улыбается, и... протягивает ко мне руку.

Сердце делает остановку, и все в теле трещит от секундного порыва прикрыть от наслаждения веки.

Зверь заправляет тоненькую прядь мне за ухо и слегка касается щеки, проведя большим пальцем линию по скуле.

Между нами многовольтное напряжение, которое не позволяет сделать и вдоха. Взгляды в стальной цепке, ничем такую уже не порвать.

Я вижу, как реагирует на меня Демид, а я... не знаю, что происходит со мной. В голове пустота. Все, о чем мы говорили с Хелен, улетает как шарик, наполненный гелием. Легко, тихо и безопасно.

– Я хочу вам кое-что показать. Думаю, такое вы еще ни разу в жизни не видели.

– Собираетесь меня очаровать?

– Надеюсь. Если Вы еще не очарованы.

Сглатываю при виде его изогнутых губ, которые снова кривятся во вполне себе очаровательную усмешку. Я ему как забавная зверушка, с которой пока интересно. В этом я уверена. И это отчего-то заставляет поджать колени ближе к себе и отвернуться.

Я знала, что меня ожидает, но не думала, что от этого такая обида будет щемить внутри.

Мы доезжаем до Москва-Сити и останавливаемся у реки, где оборудована вертолетная площадка.

Весь трепет схлопывается. По нервным окончаниям запускаются импульсы, ладони потеют, и я растерянно смотрю на Исхакова.

– Не боитесь летать?

Я в своей жизни много летала. Мой перелет обычно составлял от шести до двенадцати часов. Именно столько требуется от Нью-Йорка до Москвы.

Наверное, в моих глазах читается ужас, потому что зверь хмурится.

А я не имею понятия, что ему ответить.

Если не знать всей предыстории, то можно подумать, что я попала в сказку. Красивый мужчина рядом. Богатый, почти принц. И я нищая официантка, которая вынуждена преподносить устрицы для олигархов и их силиконовых шлюх.

– Меня еще никогда не катали на вертолетах, – глупо хлопаю ресницами.

И говорю также глупо.

– Я покатаю, – Исаков сдерживает себя, чтобы не засмеяться.

Мы идем и почти касаемся рук друг друга. Демид не спешит предлагать мне свой локоть, а я не настаиваю. С прошлого раза еще не отошла. До сих пор в венах его сила течет.

– Это же неопасно?

– Нет, Маша.

Зацикливаюсь на полных губах Демиды и расслабляюсь. В этом вопросе я и правда доверяю зверю. А когда он, такой мощный и крепкий, утверждает, что все в порядке, уверена в этом, как никогда ранее.

– Прошу.

Исаков помогает подняться на борт, обставленный даже для меня круто. Бежевый, кожаный салон. Большие, удобные кресла. В них и заснуть можно. И здесь даже есть шампанское!

– Это все для нас? – удивленно спрашиваю.

Я цепляюсь за какой-то выступ, чуть не падаю. Демид вовремя оказывается рядом и не дает случиться моему позору. Сам ведет себя так, словно вертолет – его ежедневное такси.

– Для тебя, Маша, – хрипло говорит на ухо.

Зверь стоит вплотную к спине, жар пробивается через одежду и касается моей охлажденной кожи.

Вмиг застываю и в голове повторяю слова Исакова, сказанные бархатистым тоном. Дрожит каждый пальчик, каждый волосок на моем теле. Демид все это видит. Ведь я слышу его довольное звериное урчание.

– Хотите сказать, что сказка про Золушку реальна? – сипло спрашиваю.

В горле дикое першение, которое не снимается банальным проглатыванием слюны.

– Почему нет, если я могу превратить сказку в реальность?

– Для чего вам это? – разворачиваюсь и спотыкаюсь о его взгляд.

Черный, бездонный. Как космос. С яркими желтыми звездами, которые сводят с ума и внушают страх. А еще странное желание подчиниться.

– Вам так важен ответ?

– Хочу внести ясность.

– Я понял, что в мои любовницы Вы не рветесь, – немного раздраженно прошипел.

Гордо вскидываю подбородок, не разъединяя взгляда. Пространство салона вертолета сужается, я слышу только гул лопастей, шум нашего дыхания, а в ушах – стук моего сердца.

– Лишь хочу сделать приятно девушке, которая мне понравилась. Вы меня зацепили, Мария, не буду скрывать. Я рассчитываю на продолжение. Не обязательно сегодня. Вообще.

– Спасибо. За честность.

– Вы уходите? – играючи спрашивает.

– Нет, пожалуй, останусь. Кто знает, чем вы еще сможете меня удивить.

– Удивляете Вы меня, Маша.

Глава 8. Маша

Москва как на ладони.

Я восторженно открываю рот и пялюсь в иллюминатор. Так и хочется подергать Исакова за рукав и крикнуть: «Смотри!» Но буду выглядеть совсем уж дикой. Он этот вид наблюдал миллионы раз.

Поэтому я так четко ощущаю, как его взгляд направлен на меня. Демид все еще рассматривает каждую деталь, и, уверена, множество мыслей крутится в его зверином мозгу.

Его глаза оставляют отпечатки в тех местах, где он проходится по мне взглядом. Как печать ставит, или зарубку.

– Вам нравится, Маша? – ровно спрашивает, расслабленно откинувшись на спинку удобного кресла.

Между нами почти нет места, сидения располагаются рядом, и я могу случайно коснуться его бедра.

– Очень. Я первый раз вижу Москву с высоты птичьего полета, – честно говорю.

Исаков прищуривается, а я чувствую, как он пытается разгадать – вру я или нет.

А я не вру. Сейчас я честно ответила на его вопрос. Мое восхищение тоже искреннее. И, кажется, правда хочу сказать ему спасибо за этот... хм... трип.

– А вы, наверное, часто так катаетесь. Летаете, то есть, – опускаю взгляд.

Господи, как у этих светских лиц получается правильно и красиво говорить? Без запинок и подбирая верные слова?

Катаетесь? Серьезно? Как будто Демид на карусели разъезжает.

Усмехаюсь этой мысли, и только потом замечаю, что зверь сидит и, рассматривая мою улыбку, улыбается в ответ.

Скоро собьюсь со счета, сколько раз я видела эту редкую улыбку Демида Исакова. Каждая приятно покалывает где-то между ребер.

– Нечасто, но случается, – коротко отвечает.

Надо бы еще что-то у него спросить. Про работу там, про хобби. Нельзя сидеть и тупо молчать.

Дышать начинаю чаще, а тесный лиф платья только мешает сделать полноценный вдох. Облизываю губы, паникую. Смотрюсь коряво во всей этой обстановке и в этом шикарном платье.

Я должна быть Золушкой в его глазах, а я как одна из ее сестриц.

– Мы скоро прилетим, – Исаков замечает мое состояние и спешит успокоить.

– А куда?

– В одно интересное место.

Рябь стекается по оголенной спине. Желудок рассекается топором, и тело сгибается пополам.

Звучит жутко, но в тысячный раз повторяю, что Исаков ничего мне сделает. Пока.

– Вы так забавно переживаете, Маша.

Наши бедра все же соприкасаются, и меня обдаёт жаром. Его близость заставляет покрыться румянцем. А дразняще красивое лицо пробуждает нечто такое, отчего становится не по себе. Я словно теряю контроль над собой и ситуацией в целом.

Непростительная ошибка.

– Этой мой первый полет на вертолете. Да и пункт назначения пока неизвестен, – жму плечами и отворачиваюсь обратно к иллюминатору.

– Мы летим за город. Недалеко есть красивое место в лесу, там построен ресторан. Еще есть пруд. Летом можно увидеть лебедей. А если пройти чуть дальше, то зайдешь на ферму.

- Где и убивают животных на стейк?
- Боже, нет. Маша, а Вы кровожадная.

Определенно, мой организм реагирует на этого мужчину. На его смех, голос, теплоту тела.

– Вы после ресторана сразу заговорили про ферму. Это и навело на мысль, – веду плечами.

Мне нравится с ним общаться. Не знаю, что будет дальше, но в такой непринужденной беседе проходит скованность.

– Снижаемся, – слышу в наушниках голос пилота.

Подбираюсь против воли. Посадка – не самая моя любимая часть полета.

– Андрей – опытный пилот. С ним Вам нечего бояться.

Мое состояние, очевидно, написано у меня на лбу. Это еще раз доказывает, что я не умею ничего скрывать.

Дыхание ускоряется, сердце сильно стучит только в одну точку в груди, глаза прикрываю.

А потом чувствую, как большая и горячая ладонь накрывает мою руку. Мир, треснув, распадается на осколки.

Исхаков легонько поглаживает подушечкой большого пальца мою кожу. Успокаивает. А я так боюсь посмотреть на него, страшно встретиться с ним взглядом. В такой момент я хочу забыть, что он – Демид Исхаков. Точнее, хочу забыть, кем он является.

– Ну вот и все, Маша.

Мы удачно приземлились на вертолетной площадке. И можно было бы уже отпустить мою руку, но зверь этого не делает. Даже больше, он чуть сжимает ее, запуская волну спазмов по всему телу.

Чужие они, незнакомые.

А если после ресторана он все-таки повезет меня к себе?

Мы идем вдоль расчищенной дороги до небольшого одноэтажного здания. Оглядываюсь по сторонам, не замечая никого вокруг. Темнота. Только фонари расставлены на равном расстоянии друг от друга. Красиво и жутко одновременно.

– Надеюсь, в этот раз вы не сняли весь ресторан ради меня? – прыскаю. Как бы шутка. Тут же жалею.

– Боюсь, не все посетители позволят это сделать.

– Значит, есть в этом городе кто-то поважнее вас?

– В этом городе? Вы не из Москвы?

От первого прокола хочется сжаться в одну точку. Я в замешательстве, и не имею понятия, как выкручиваться. Не бежать же...

А Демид прищурился и рассматривает меня новым взглядом.

– Как и многие, – растерянно отвечаю.

В ресторане нам выделяют отдельную зону с выходом в сад. Летом здесь, наверное, и правда очень красиво. Сейчас пока во всю царит зима. Искрящиеся снежинки облепили пространство вокруг. Будто волшебство.

Демид пропускает меня вперед, снова отодвигает стул, и я присаживаюсь. Внутри ресторана все пропитано роскошью. Против воли задумываюсь, а если бы я на самом деле была бы обычной официанткой? Например, приехала из какого-нибудь скромного городишки под Владимиром. И все, что я знаю об этикете и правилах поведения в подобных местах, – это... ничего.

Похоже, зверь и правда старается очаровать некую официантку, которая его зацепила.

А мне в какой-то момент грустно становится. Он старается не для меня, а для девушки из среднего класса.

– Вы уже бывали в таких местах прежде, Маша?

Официант приносит нам вино, и я делаю глоток, смачиваю горло кисло-сладкой жидкостью.

– Нет. Спасибо, что показали...

– А ваши родители, они далеко? Вы их навещаете? – как ни в чем не бывало продолжает беседу.

Ему этот вопрос кажется стандартным. А с меня будто кожу снимают живьем. От боли хочется вопить, но я не позволяю себе этого. Мучаюсь, терплю и горько улыбаюсь.

– Они далеко. Так что теперь я их нескоро увижу. Папа... у него случился сердечный приступ, когда мне было семь лет, а мама не выдержала такого удара и покончила с собой. – Каждое слово вызывает жажду.

Исхаков замирает на мгновение. Не надеялся на такую откровенность. А я вспоминаю, кто во всем виноват, и ярость цедится изнутри мелкими глотками. Захлебываюсь.

Вскидываю на зверя полный презрения взгляд, не отдавая себе отчета, что так нельзя.

– Мне жаль, что это с вами произошло.

– Мне тоже. Я была ребенком.

Повисает тишина. Зверь больше ничего не спрашивает, а если бы и спросил, вряд ли я еще раз решилась бы на такую откровенность.

– Я бы предложил вам прогуляться, но, боюсь, в туфлях вы быстро замерзните, Маша.

Заботливый какой.

– Вы правы.

Прوماкиваю губы салфеткой, откладываю ее и останавливаю свой взгляд на Демиде. Его лицо ничего не выражает, привычное состояние.

У меня же дыхание поверхностное и трести начинается от холода, когда все тело покрывается липким потом.

Роковая женщина, которую бы хотел шикарный мужчина, как Исхаков, вряд ли бы чувствовала такое и вела бы себя так. Как овечка, на которую нацепили классное платье.

В туалетную комнату практически вбегаю. Включаю ледяную воду и, смочив руки, прижимаю к щекам. Плевать, что на них румяна. Я горю. Тело сотрясает, зуб на зуб не попадает, а ощущение, что медленно плавлюсь на костре.

– С вами все в порядке? – Исхаков хмурится, будто ему и правда есть дело до моего состояния.

Поджимаю губу и мучу невнятный ответ.

Поскорее бы это закончить.

– Вы не против, если обратно мы поедem на машине? Водитель уже на месте.

Его вопрос звучит совсем как не вопрос. Выбора у меня нет, Демид спросил лишь для галочки.

Интересно, он хоть что-нибудь спрашивает, чтобы действительно узнать ответ?

– Разумеется, не против.

Черный «Майбах» привлекает внимание даже в таком месте. Крепче запахиваю полушубок и коротко мажу взглядом по Исхакову.

В сумочке лишь телефон и ключи. Выходя из дома, я понимала, что могу вернуться только утром.

Вокруг взрывается непонятная мне суeta, я топчусь на месте, то и дело поправляю волосы. Чувствую себя некомфортно, даже неприятно.

На мне шикарное нижнее белье, которое, кстати, тоже подарил мне Демид. Я полностью готова, чтобы сегодня ночью зверь был во мне. Но это не отменяет того, что я боюсь.

Будет ли он нежным? Или он эгоист в постели? Его тело божественно, это заметно даже через ткань. И я знаю, что физически Исхаков меня привлекает. Но будет ли этого достаточно?

– По адресу Марии, – невозмутимо говорит водителю.

А у меня укол разочарования.
Что-то пошло не так...

Глава 9. Демид

– По адресу Марии, – невозмутимо говорю водителю, мазнув по открытым коленям девчонки.

Маша напряглась. Ее тяжелый вдох как раскат грома для моих ушей.

Расстроилась?

Подпираю ладонью подбородок. Хочется в открытую рассмотреть сейчас девчонку. Ее тонкие щиколотки изящно обтянуты ремешком туфель. Когда заметил их в вырезе платья, еле удалось скрыть восхищение и возбуждение.

Но, кажется, Иванова ничего не заметила.

Два вечера мы проводим вместе, но я так и не смог понять, в каких именно моментах она играет. Это сводит с ума. Не терплю, когда чувствую фальшь, но не получается разгадать, какая именно нота фальшивит.

Маша в напряженной позе сидит и смотрит в окно. Ее светлая кожа покрыта мурашками, и девушка даже не пытается это скрыть. Грудь высоко поднимается, и я отчетливо вижу очертания сосков.

Во рту собирается слюна, ведь я уверен, что хочу их попробовать. Только идиот, увидев Машу в таком платье, не захочет ее трахнуть.

– Мне кажется, Вы хотите что-то спросить? – наклоняюсь чуть ближе и вдыхаю ее аромат.

Дорогой парфюм чувствуется сразу.

Маша дергается. Она вообще тут же меняется, стоит мне оказаться к ней совсем близко. Это... забавно. Такой пугливый зверек, которого хочется приручить.

– Что меня ждет? – ее взгляд разъедает.

На какой-то миг кажется, что передо мной настоящая Маша. Если, конечно, это и правда ее имя.

– А что Вы хотите? О своих намерениях я вам говорил. Не склонен врать в таком вопросе.

– Но в нашу первую встречу Вы сказали, что не собираетесь делать из меня свою любовницу, – уверенно, почти самоотверженно говорит. Это непроизвольно вызывает улыбку.

– В нашу первую встречу Вы уронили на меня мой же ужин.

– Еще раз простите.

– Вы сделали это специально?

Молчание давит на легкие и органы дыхания, словно нас переместили в вакуум. Жилы на Машиной шее отчетливо выделяются, и венка пульсирует с дикой скоростью.

Она сделала это специально.

Что ж, интересно.

– Это случайность. И я все равно готова отнести ваш костюм в химчистку.

– Я не хожу с любовницей по ресторанам, не заказываю вертолет, чтобы добраться до этого ресторана. С любовницей я исключительно трахаюсь.

Даже в очень скудном свете я вижу, как Маша покрывается ярким румянцем и стыдливо опускает взгляд.

Не нравится, что сказал? Стесняется?

Девственница?

– Чем же она отличается от проститутки?

Веду плечами и быстро перевожу взгляд на затылок водителя. Он работает на меня уже более пяти лет, и ни разу разговор в машине не вышел за пределы салона.

Но сейчас пожалел, что не я за рулем. Не хотелось бы, чтобы у нашего разговора был свидетель.

Зажимаю переносицу и пытаюсь сконцентрироваться. Главное, не спугнуть.

– Проститутки не получают такие деньги в месяц.

Девчонка поворачивается ко мне лицом и вижу чистый гнев в ее глазах. Если это игра, то, черт возьми, она прирожденная актриса.

– А Вы щедрый, – цедит сквозь зубы. Меня умиляет ее поведение.

– Маша, – цепляю ее подбородок пальцами и чувствую мягкость ее кожи, – Вам такое предложить не могу. Я циничный, расчетливый, но не настолько. А что я от Вас жду? Честности. И желание проводить со мной время. Мне показалось, я неплохо могу ухаживать за понравившейся мне женщиной.

Ее грудь в каких-то сантиметрах от меня, я даже чувствую, как она движется. Если прикрыть глаза, могу и представить.

Кровь приливает к члену и колет в паху.

Сожрать бы ее сейчас, на заднем сиденье. Да вот точно сбежит.

– Ну, так что? Идет?

– У меня нет другого выбора, – тихо произносит и упирается взглядом в мои губы.

Горячий ком движется по горлу и падает в желудок, разбрызгивая кислоту. Внутри все ныть начинает и противно жечь. Ее слова звучат так двояко, что я не нахожусь с ответом.

Девчонка загоняет меня в тупик иногда.

– Я тебя пугаю, – взгляд в ее глаза.

Руки трясет, как хочу провести ими по ее шее и плечам. Нырнуть в вырез платья.

Наклоняюсь чуть ближе, между нашими губами крошечное расстояние.

Обещал себе, что трогать девчонку сегодня никак не буду. Но я на грани того, чтобы сломать обещание.

Машка сглатывает, и я вновь утыкаюсь взглядом в ее хрупкую шею.

– Приехали, – водитель разбавляет наше уединение.

Отстраняюсь и выхожу из машины, чтобы открыть дверь Маше.

Свежий воздух ударяет по носу, и я вдыхаю его со всей дури. Легкие разрывает от кислорода и ее аромата, который смазал все альвеолы как маслом.

Обхожу авто и торможу, когда рука оказывается на ручке двери. А девчонка ждет, не выходит сама.

Одежда кажется тесной, пиджак сдавливает плечи. Еще никогда я не помогал девушке выбраться из машины. Самому смешно и страшно одновременно оттого, куда я вляпался.

– Спасибо, – скупно благодарит.

Воображение рисует неприличные картинки, как я все-таки поднимаюсь к Маше домой и рву на ней платье. Под ним тот комплект белья, который прислал. Девчонка дышит часто и сама тянется к моим губам.

И пахнет, блядь, как же она пахнет! Чистым возбуждением. Как разрядом под ребра бьет.

Ее рука сжата в моей ладони. И не знаю, почему, но чуть толкаю Машу к машине и наваливаюсь сверху.

Резкий выдох девушки царапает левую щеку и открытую шею. Я зависаю на бликах в ее глазах. Как острые стрелы сквозят по моей коже, цепляя и искусно жала.

У девчонки красивые губы. Пиздец какие красивые. На них сразу и обратил внимание, когда официантка Маша подошла к моему столику.

– Демид, – шепчет.

А я сам не свой. Гоняю беглый взгляд по ее лицу.

– Один поцелуй, Маш.

Не знаю, почему вообще это сказал. Будто спрашиваю разрешение.

От нее несет невинностью. Ощущаю себя каким-то грязным и недостойным, что прежде никогда не случалось.

Наклоняюсь и захватываю ее губы. Сладкие, пьянящие. Я еще чувствую вкус вина и слизываю эти капли.

Маша застыла, не дергается. Все мышцы напряженные, почти каменные. В ступор вгоняет, но остановиться уже не могу. Мигающие сигналы стоп не для меня.

Рукой веду по предплечью вверх и обхватываю голову. Я словно собираю ее запах на ладонь и чувствую носом дуновение этого аромата.

Девчонка не сопротивляется, когда я кончиком языка касаюсь ее. Взрываюсь вкусом и почти слетаю с катушек, когда Маша робко мне отвечает. И правда, невинно и нежно.

Хочется большего, истерзать на хрен ее губы, чтобы болели часами потом. Исследовать каждый уголок ее рта. Подчинить, подавить, сделать зависимой от меня.

Но Маша упирается крошечными кулачками мне в грудь и пробует оттолкнуть.

Глупенькая.

Отворачивается, слизывая с губ наш поцелуй, и у меня в штанах уже неприличный стояк от этого почти незаметного движения.

– Мне нужно идти, – отталкивается от машины и неровной походкой идет к подъезду, так ни разу и не повернувшись.

Смотрю ей вслед и думаю над тем, когда девчонка созреет до большего.

Куриль бросил пару лет назад, но сейчас стреляю у водителя одну сигарету и с удовольствием втягиваю горечь никотина. Хочу выскоблить вкус ее губ и языка из себя. Ему там не место.

Постоянно тру грудную клетку, словно там ожоги четвертой степени, а не следы от Машинных кулачков.

Девчонке нельзя быть со мной дольше, чем нужно.

Докуриваю до фильтра, пока пепел не касается подушек пальцев, и выкидываю себе под ноги, раздавив окурки подошвой.

Пиджак снимаю и отбрасываю подальше от себя. Он тоже насквозь пропитан запахом ее кожи и дорогущих духов. Откуда у нее только такие?

Дышать еще сложно, я будто после продолжительной пневмонии учусь правильно пользоваться легкими.

В паху тяжесть так и не проходит, лишь сильнее сдавливает все артерии.

– Куда? – спрашивает водитель.

Бросаю взгляд на дом, где живет Маша, перевожу на часы.

До назначенной встречи еще час. Время есть. Но не сидеть же мне под ее окнами?

– В клуб.

Глава 10. Демид

– Будь здесь, я ненадолго, – говорю водителю и выхожу из машины.

Охрана меня без вопросов пропускает.

Прохожу сквозь толпу, чувствую, как ко мне уже приставили человека. Он знает, кто я такой, а я осведомлен о его обязанностях.

На вид это обычный клуб, где бухают. Танцовщицы зазывно виляют бедрами, а менеджеры среднего класса цепляют шлюх на ночь.

– Прошу, – бритоголовый отодвигает ярко-красную штору, открывая вид на лестницу, ведущую на второй этаж.

Проход туда закрыт.

– Узник на месте? – спрашиваю своего сопровождателя.

– Он вас ждет, – коротко отвечает.

В Клуб миллионеров я попал, как и все. В какой-то момент мне все в жизни осточертело. Пресытился, мне не хватало эмоций и драйва. Страх.

Узник решает эту проблему зажавшихся миллионеров.

Никто не знает, кто он такой, чем занимается на самом деле. Многие не видели его лица. И слухи о нем ходят разные.

Перед тем как впустить меня в зал для избранных, охрана вручает мне черную маску, которая скрывает больше половины лица.

Находящиеся здесь люди очень богатые, в их руках сосредоточено столько власти, что даже минимальный компромат может уничтожить их в два счета. А заодно и всех рядом.

Анонимность и конфиденциальность для членов клуба гарантированы.

Впрочем, никогда не мог понять, как маска способна помешать разобрать, что тот старик за столиком, около которого вертится голая официантка – владелец нескольких нефтешек.

А тот мудака, которому в углу отсасывает другая блядь – известный банкир.

Официантка...

При одной мысли, что Маша могла работать здесь, промораживает насквозь и дух вылетает из тела, проламывая ребра.

После сегодняшней встречи с ней я четко ощущаю, как вонючие комки грязи налипают на меня в эту минуту. Встать бы под ледяные струи воды и смыть все на хрен.

– Добро пожаловать, – ко мне модельной походкой движется красивая брюнетка.

Думаю, что красивая. Все лица девушке тоже скрыты масками. На мне костюм, а девчонка совсем голая. Только на руках длинные, по локоть перчатки. Охуенно смотрится, надо признать.

– Желаете что-то выпить?

Качаю головой.

Ее губы естественной полноты. Она сексуально улыбается, чуть хитро и пробегается по ним розовым язычком.

– Я к Узнику.

Коротко кивает. Спорить и вешаться в клубе никто не будет. Для этого можно спуститься на первый этаж.

Одно лишь слово здесь – и тебе будут отсасывать как тому мудаку. Один лишь взгляд – и все бабы испарятся в радиусе километра.

Колыбель порока.

Меня провожают до кабинета Узника. Дверь туда сделана из такой толстой стали, что задаешься вопросом – на хрена?

Прохожу внутрь. Темнота окружает со всех сторон, впитывается в организм. Перед глазами нечеткие контуры. Вроде бы массивный стол, такой же стул. Или из памяти картинки восстанавливаются?

Я словно попал в подземелье.

Узник...

Отчасти это его игра со всеми нами. И многие действительно побаиваются неизвестного никому хозяина тайного клуба миллионеров.

– Добрый вечер, господин Исхаков.

Голос землистый, влажный, немного скрипучий. Мурашки собираются по спине, и я выпрямляю и так прямую спину.

И да, Узник единственный, кто знает всех членов своего клуба по именам. Только поэтому я бы не стал трахаться и творить дичь в его помещении. Кто владеет информацией – тот владеет миром, как бы...

Поэтому один из пунктов договора на игру: никакой информации об объекте.

– Вы хотели меня видеть? – спрашивает и выходит из тени.

На нем маска. И я снова не могу увидеть его лицо.

– Хотел.

– В таком случае присаживайтесь. Выпить Вам уже предлагали?

В кабинет с другой стороны входит та же девушка, что и встречала меня. В ее руках поднос с двумя бокалами. В них янтарная жидкость, налитая на четверть.

Взгляд местной сучки проходит по моим плечам и груди. Оценивает.

У меня же в носу запах другой женщины. Отрезвляет, надо сказать.

– Я Вас слушаю.

Больше никаких имен.

Черная рубашка Узника сидит на нем плотно. Навскидку, он мой ровесник. Может, чуть младше, или чуть старше. Но это все, что я смог вычислить о нем.

Ужасно общаться с человеком и ни хрена о нем не знать, в то время когда он знает о тебе все.

– У вас вопросы по первому раунду?

Узник складывает ладони в молитвенном жесте и пальцами касается губ.

– Скорее, хотел уточнить. В чем именно мое задание?

Стараюсь вести себя уверенно, даже холодно.

Все, что я говорил своему объекту и делал, исключительно для выполнения задания. Встретил бы я Машу при других обстоятельствах, ей была бы уготована другая роль. Любовницы. И трахал бы я ее, пока не надоест.

– В чем именно... – повторяет и поднимается с места, прихватив бокал с виски.

Узник высокий, почти с меня ростом. Развитая мускулатура, уверенный шаг. Он охотник по жизни. Умный, расчетливый, циничный. В чем-то мы с ним похоже.

– А ты как считаешь?

Резко переходит на «ты».

Говорят, так человек психологически сокращает дистанцию. Ну или он попросту невоспитан. Что в отношении Узника я сомневаюсь.

– Считаю, что это слишком простое задание. Учитывая, сколько денег я вложил в эту игру.

– Так это же хорошо, – оборачивается, и наши взгляды встречаются. Два охотника. Или жертва и охотник?

Черт, как сквозняк по спине прокатился, и в венах вместо крови теперь течет охлаждающая взрывоопасная жидкость.

– Первый раунд будет за тобой, и твои деньги останутся целыми.

– Эта простота меня и настораживает.

Отпиваю глоток, хотя зарекался брать здесь что-то в рот.

На языке растекается вязкая горечь, которая не имеет ничего общего с виски. Она идет изнутри.

– Что будет с Машей в конце? – шепотом спрашиваю.

Я вижу ее карие глаза. Они влажные и в них читается испуг. Девчонка же боится меня как огня, как бы я ни убеждал, что не трону ее. Будто... что-то ей обо мне известно.

– Зачем тебе знать? Маша – элемент, который будет с тобой во всех раундах. Господин Исхаков.

До дома не помню, когда добрался. Я попросил водителя покружить по городу. Почему-то сменяющиеся здания и мерцающие огни успокаивают.

Откидываю ключи. Они со звоном приземляются и царапают поверхность.

Из меня вытянули всю энергию. Клуб этот, разговор с Узником, который ни хрена меня не успокоил.

Так тошно, хоть вой. Мое вечное состояние.

Не разуваясь, прохожу и сажусь на диван. Пять минут тишины и спокойствия. Голова запрокинута, веки прикрыты. Если кто-то подкрадется ко мне с оружием и решит выстрелить, я даже не пошевелюсь.

Соскребаю телефон с журнального столика и скроллю список, пока не нахожу нужное имя.

Кожа на ладонях почему-то шипит.

– Привет, – говорю первым и слушаю ее дыхание.

Оно горячее, знаю. Пальцами крепко сжимает свой телефон и нервно закусывает губу. Взгляд мечется, мысли крутятся. Ну давай, Маша!

– Привет, – говорит с придыханием.

Ее голос запускает неконтролируемый процесс в организме, и вся кровь устремляется к паху. Тяжесть такая, словно в трусах гири.

– Ты, – забавно хмыкает, – успел соскучиться?

Открываю рот и быстро втягиваю воздух, который, кажется, со вкусом ее кожи.

И останавливаюсь.

Либо она и вправду меня чувствует, либо Маше известно обо мне больше, чем мне о ней.

– Соскучился. Ты права. Завтра встретимся?

Глава 11. Маша

После сегодняшней встречи с Хелен оставшуюся часть дня я хожу как на иголках.

Я так и не смогла признаться ей, что в чем-то Зверь мне нравится. Как и не могла внятно объяснить, почему между нами до сих пор ничего не случилось.

Мне вообще на эти темы говорить неудобно, хотя за время моего обучения мы обсуждали множество моментов. Я должна была привыкнуть.

– Моя дорогая, тянуть больше нельзя. Исаков не тот мужчина, который будет ждать. Пойми. Он может и играет в хорошего и благородного, но... тебе нужно стать единственной женщиной в его жизни.

“Легко сказать”, – чуть не сорвалось у меня с языка.

Почти полгода назад, когда я встретила Хелен, не думала, что моя жизнь перевернется на сто восемьдесят градусов.

Я только окончила Нью-Йоркский университет и должна была занять должность в компании отца, которой временно управляет дядя. Моя жизнь была расписана, пока желание отомстить не воскресло вместе с появлением этой загадочной женщины.

Мы не виделись со зверем неделю, за которую пару раз переписывались.

Я удивилась, что Исаков умеет печатать тексты в мессенджере и что у него все-таки есть чувство юмора.

Зверь заезжает за мной ровно в шесть часов вечера. К этому времени я полностью готова. Был бы еще пистолет, то и патроны были бы уже в магазине.

Внутреннее напряжение огромное, не знаю, как справиться с ним. Как успокоиться. Даже по вискам стучит и долбит, а в ушах непроходящий шум.

– Вы чудесно выглядите, – без запинок говорит.

Как будто я сотая за сегодня, кому он это сказал. Впрочем, вполне возможно, так и есть.

Отчего задание Хелен стать единственной женщиной такого жесткого мужчины становится для меня из категории невыполнимых.

– Благодарю, – говорю и опускаю взгляд.

“Все для тебя, зверь”, – добавляю в голове.

– Прошу, Маша, – Исаков открывает передо мной пассажирскую дверь и отходит в сторону.

Ткань платья натягивается и оголяет бедро практически до тазовой косточки. Кожа моментально вспыхивает. Зверь взглядом касается каждого сантиметра.

Рвано втягиваю воздух и тут же задерживаю дыхание. Позвоночник закручивается от волнения, но мне почему-то понравилось то, как на меня посмотрел Исаков.

– Хотите заморозить всех мужчин вечера?

Мне всегда казалось, что мое тело далеко от эталонов красоты. Меня нельзя назвать худенькой. Родной сорок четвертый размер явно не модельный. Но этот блеск в глазах Демида, который успела уловить, разжигает внутри что-то новое.

– Не ставлю цели заморозить всех, Демид.

– Кого-то конкретно?

Пальцы цепляют бусинку на платье и теребят ее. Исаков не рассматривает меня пристально, но я постоянно чувствую его прожигающий взгляд. И все время хочется что-то где-то подправить. Стать идеальной. Его главной женщиной.

– Возможно, – уклончиво отвечаю.

Набираюсь смелости и смотрю ему в глаза. Они играют лукавыми бликами. Ничуть не желтыми, поэтому сейчас мне не страшно. Даже становится интересно.

– В таком случае знайте, что я не подпущу к вам никого.

Рука Демида накрывает мою. Меня как током бьет, и я неловко дергаюсь. А затем издаю нервный смешок.

– Будете за меня драться? Так и вижу заголовки: известный бизнесмен Исхаков Демид подрался на вечере ради официантки.

Зверь сдерживает свою улыбку, но ему это плохо удастся. Его полные губы натягиваются, и я уже вижу ровные белоснежные зубы.

– В таком случае с вас компенсация. Маша, – говорит своим обычным тоном.

Прямой взгляд на мои губы, затем в мои глаза. Если бы его аура имела вес, то сейчас она бы меня задавила насмерть.

Мужчина сжимает мою ладонь и ведет вверх. Будто кожу снимает. Движения уверенные. По-хозяйски пугающие.

Он доходит до шеи и заставляет повернуть голову к нему. Моя грудная клетка ходит ходуном от частого дыхания. Близость Демида, его тела влияют на меня как пары алкоголя. Я пьянею от одного вдоха.

– Знаешь, на что я обратил внимание в первую очередь, когда тебя увидел?

Резко убирает это ненужное “вы”, которое застряло между нами как косточка.

– На твои губы.

Зверь большим пальцем проходит по нижней губе, которая выкрашена в красный, и чуть оттягивает ее вниз. Задевает ряд зубов, и, мне кажется, хочет протолкнуться им в мой рот.

В салоне температура Венеры. Я чувствую, как капельки пота выступают на коже и тут же испаряются.

Исхаков смотрит на мои губы, на свой палец, который я обхватила, и если бы глаза могли еще потемнеть, они бы непременно стали иссиня-черного цвета.

Он сглатывает, я делаю то же самое. Между нами нет неловкости, лишь затяжное напряжение, которое усиливается. Оно давит на все органы чувств и до чертиков пугает. Меня так точно.

– На месте, Демид Алтаирович, – говорит бессменный тихий водитель, о котором я и правда начала забывать. Будто за рулем не человек, а робот. Без слуха и простого человеческого любопытства.

Рука Зверя опускается, задевая грудь.

Во рту вкус чужой кожи. Соленой, с горчинкой. Кончик языка, кажется, запомнил отпечаток пальца, потому что я до сих пор кружу им, будто повторяя незамысловатый рисунок.

– Возможно, и я правда ввяжусь в драку, если кто-то будет пялиться на твои губы дольше положенного. Маша.

Каждое слово сильным ударом отражается внизу живота и опускается в промежность. Черт, мне нравится, как он это сказал.

– Не стоит. Они и так... Ваши, – выдавливаю. От сказанного колотит. Слова кажутся мне очень откровенными и возбуждающими.

– Твои.

– Не поняла...

– Не хер мне “выкать”. Твои губы теперь принадлежат мне.

Его грубость на грани. В другой ситуации я бы влепила этому мужчине пощечину. Но слабость развилась во всем теле на последней фразе. И мне захотелось подчиниться этому сильному мужчине.

И узнать, что значит, мои губы теперь принадлежат ему.

Демид помогает мне выбраться из машины, подав руку и, не отпуская, вместе идем к современному зданию.

– Подумал, что рестораны могли тебе уже надоест.

– А вы любите решать за других, Демид, – флиртуя, говорю.

В гардеробе толкучка, но Исаков умудряется как-то отгородить меня от всех людей.

– Да. Решаю, – без колебаний отвечает, – и ты опять мне выкаешь, Маша, – добавляет на ухо.

Зал временной экспозиции до отвала набит журналистами и искусствоведами.

Кажется, никому нет дела до новых гостей, но я постоянно чувствую на себе чей-то взгляд. И зачем я только напялила такое откровенное платье?

Вцепляюсь в руку Демида, ища поддержки и опоры. Это странно вообще. Чтобы Исаков меня защитил? Мир скорее перевернется, чем зверь вступится за кого-то, кроме себя.

– Добрый вечер, Демид, – очень красивая блондинка, наверное, единственная, кто решил подойти поздороваться. Хотя основная масса была в курсе, кто пожаловал на открытие выставки всемирно известного художника.

– Арина, – спокойно говорит и чуть кивает. Как бы здравствуй.

Мне почему-то захотелось сильнее прижаться к Демиду и показать ей, что с Исаковым именно я.

Нелепая ревность, непонятно откуда берущая корни.

– Я от тебя звонка ждала, – игнорируя меня, продолжает.

Ее кожа матовая и чистая. Девушка высокая, с идеальной прической и едва заметным макияжем. Только красные губы выделяются. Цвет один в один мой.

Ненавижу красный цвет.

– Был занят. Хорошего вечера, Ариелла, – грубо отшивает свою любовницу.

Мое тело стало деревянным, даже ноги не сгибаются.

Он ей нравится, очень. Может, она влюблена в него. А зверь привел меня, и теперь девушка злится.

Циничный и холодный Исаков. Так легко отказывающийся от того, кто ему перестал быть нужным.

– Любовница? – спрашиваю. В глаза не смотрю, охватываемая невнятными чувствами.

– Была. Когда-то.

Врет. Уверена. Его голос дрогнул на секунду. Даже у зверя бывают промахи.

– А сейчас? Кто-то есть? – я по-прежнему не смотрю ему в глаза, потому что не нахожу силы. Такой разговор для меня непривычен.

В какой-то степени я рада, что это как бы роль.

– Нет.

Исаков указательным пальцем цепляет подбородок, заставляя поднять голову. Мой взгляд все равно опущен, но я упираюсь в его сильную шею и вижу острый кадык.

– На меня посмотри, – приказным тоном говорит.

Дышу чаще. Наши разговоры и поведение заводят на нужное мне поле, но, черт, я боюсь. А сознаться в этом страхе не имею права.

Как с двух сторон тисками сдавливает, а о боли кричать нельзя. Лишь терпеть и ждать, когда это мучение закончится.

– Ты говорила...

– Я передумала, – перебиваю.

Лицо Исакова корежит довольная улыбка. Она застывает перед моими глазами и выжигается на сетчатке.

Он смотрит долго, словно ждет, что я заберу свои слова назад. Прищуривается. Его дыхание не сбивается, как мое, он уверенно держит себя в руках, что даже завидую.

Меня же бьет ледяным кнутом, и я дергаюсь от каждого такого быстрого касания.

– Скажи полностью.

– Я хочу стать твоей любовницей.

Молния на платье впивается в кожу, каблук еле держат, я вообще еле стою на них. Проклятая ткань неприятно елозит по соскам. Я без белья, этот вечерний наряд его не предусматривает. Лишь крохотные трусики-стринги, которые мало что защищают.

Руки сжимаю в кулаки. Только потом понимаю, что перестаралась. Ногти отпечатались на внутренней стороне до кровавых лунок.

– Почему ты передумала?

Облизываю красные губы. Правду ему не скажешь, но я не рассчитывала, что Исаков будет выяснять причину.

От нашего разговора тошнит. Он выходит циничным. Готова услышать сумму в месяц, которую Демид будет переводить мне. Я же любовница.

– Считай, что я изначально этого и хотела. Когда специально уронила тарелку на твою рубашку, – признаюсь.

Сейчас зверю нельзя врать. Лучше правды ничего нет.

– Все ждал, когда осознаешь, – говорит, как победитель, – но ты все равно недоговариваешь, Маша Иванова.

Бьет взглядом до самой души, и я теряю дар речи.

Мне хочется выкричать все, что болит внутри долгие годы, хочется прошипеть проклятия прямо в его губы. Дьявольски красивые и вкусные. Я помню наш поцелуй, а вкус его кожи растворился на моем языке, и никакое выпитое шампанское не способно его смыть.

Но больше всего мне сейчас хочется, чтобы этот зверь поцеловал меня.

– Поехали.

Сердце взрывается от такого простого слова. В голове гул, а мозг непонятная субстанция, за которую стыдно.

Не дожидаясь больше моего ответа, Демид идет в сторону гардероба.

Я медленно пропускаю воздух, сложив губы трубочкой, и прикрываю глаза, смагивая слезы. И неровной походкой иду за зверем.

Что ж, Хелен, сегодня ночью будет сделан первый шаг. Исаков, может, и заберет себе мое тело, но вот душу я ему никогда не отдам.

Глава 12. Маша

Исхаков живет в шикарной высотке, к которой просто так не подступить. Кругом охрана. Когда мы проходим к лифтам через лобби, девушки с ресепшена сворачивают головы. Отчего я чувствую себя еще более в загнанном положении.

Звук каблуков разносится по огромному просторному помещению, а мне до тошноты хочется тишины и спокойствия.

Зверь больше не произнес ни слова, пока мы не переступили порог квартиры.

Понимаю, что мне нужно что-то сказать, как-то разрядить обстановку. В конце концов, это мое задание – заставить Демиду зависеть от меня.

Но кто бы знал, как это трудно. В голове крутится сплошная банальщина вроде как поблагодарить за вечер и все в таком духе. Но я согласилась поехать к нему домой и стать его любовницей, а Исхаков был ничуть не удивлен. Благодарность – последнее, что стоит говорить ему.

– Располагайся, – коротко заявляет и удаляется в одну из комнат.

Подозреваю, в спальню.

По привычке, не разуваясь, прохожу к панорамному окну и замираю над видом. Сбоку замечаю электрический камин. И вот было бы здорово засесть у него с бокалом вина и любимой книгой. Или включить хороший, добрый фильм.

Страхиваю с себя это непозволительное наваждение.

Я у зверя, в его логове. Здесь нет места мечтам.

Все вокруг холодное и бездушное. Но везде чисто и убрано. Будто никто и не живет.

– Осмотрелась? – раздается за спиной.

Я не слышала его шагов, он подкрался незаметно для меня. Меня сковывает по рукам и ногам его взгляд. Или так действует близость.

Хочется дышать, но легкие будто выдраны из тела. Чувствую только заведенное ненормальным ритмом сердце.

– Ты здесь живешь? – решаю спросить.

Мысль, что это вообще съемная квартира, куда он приводит своих любовниц, уничтожает меня изнутри как неизвестная современности болезнь.

– Временами... – уклончиво отвечает.

Демид делает шаг ко мне. Ощущаю свежесть геля и нотки цитруса. Исхаков только что из душа, и перед моими закрытыми глазами его мощное тело, покрытое каплями воды, застревающие в густой поросли его волос.

– Повернись.

Я коротко вбираю воздух, но ощущение, что задыхаюсь, не исчезает.

Зверь ловит мою реакцию, и... улыбается. Краешком губ. Ехидной, довольной улыбкой, от которой ребра ломаются.

Взглядом упираюсь в его грудную клетку. Демид одет только в спортивные штаны. Я могу детально рассмотреть его тело, но все еще не могу набраться на это смелости.

Исхаков заносит руку и касается моего лица. Аккуратно, но уверенно. Он уже знает, что владеет мной, потому что я дала свое согласие.

Пальцем вновь давит на губы, размазывая помаду. Я сглатываю, пропуская толчок в груди.

Живот наполняется звенящей энергией, которая мучительно пьянит.

– Разденься, – в очередной раз приказывает и отходит к дивану.

Страх парализует все тело до кончиков волос. Нервы натягиваются, как новенькие гитарные струны.

Не могу поднять руки и расстегнуть чертову молнию на платье.

Во рту давным-давно пересохло, а я, кажется, никогда не решусь попросить хоть каплю воды.

Исхаков сидит напротив, удобно расположившись на сером диване. В руке он крутит бокал с алкоголем. Сейчас мужчина подносит рокс к губам и делает довольно большой глоток.

Все его хозяйские действия плотно записываются на подкорку.

И все, что сейчас хочу, чтобы он напился и отключился. Забыл про меня и вообще про то, что я стою здесь как кукла на постаменте, надеясь стать незаменимой любовницей зверя.

Если бы только папа видел, на что решилась его дочь, он бы отказался от меня. И был бы, скорее всего, прав. Я падаю. Низко.

Когда пальцами все-таки нащупываю потайную молнию, веду «собачку» вниз.

Это единственный звук, который наполняет огромную комнату. Нет, еще звон льда в бокале зверя. Взгляд Исхакова впивается в мои плечи, по которым сползают лямки платья. Само платье уверенно летит в ноги.

Его лицо ничего не выражает. И я не могу понять, нравится ему то, что он видит, или... нет.

В квартире странная температура. Мне ужасно жарко, но я вся дрожу от холода. Жуткое состояние, учитывая, что зверь все видит: как мне неловко, какая я неуклюжая и стеснительная.

Но он продолжает смотреть, и... оценивать.

– Подойди ближе, – вибрирующие нотки и так низкого голоса еще больше заставляют тело дрожать. Кажется, только из-за них я и слепо исполняю его приказы.

Облизываю губы, снова коротко вдыхаю. Влажные глаза хочется прикрыть.

Остаюсь стоять перед Демидом в одних только трусиках. На ногах высокие каблуки. Поднимаю ногу, чтобы скинуть ненужный реквизит.

– Туфли оставь. Мне нравится.

Вновь подчиняюсь.

Зверь жадно рассматривает мою грудь. Между нами остался метр, но я ощущаю каждый цепкий взгляд.

Соски ноют. Они стали очень чувствительными. Если он до них дотронется, мне будет неприятно. Или, наоборот, я завою от желания.

Я вся покрыта мурашками, и только слепой не увидит, что меня потряхивает. Даже губы с размазанной помадой дрожат.

Глаза зверя непередаваемо черный и опасные, полные огня и возбуждения. Только они и выдают, что картинка Демиду нравится.

Не картинка, а я. Маша.

От взгляда, которым Исхаков трогает мою грудь, живот, бедра, лобок, между ног приятно стреляет, и я чувствую предательскую влагу. Как такое возможно? Мужчина ведь даже не касался меня, не целовал, не шептал нежности...

Сердце перекачивает десятки литров крови. Настоящий мотор.

Вижу, как Демид отпивает последний глоток виски из бокала и поднимается с дивана. Подходит ко мне и вновь смотрит. Смотрит, смотрит, смотрит. И ничего не говорит, кроме приказов.

От него исходит удушающая энергия, которая божественно пахнет. Но, просачиваясь в кровь, травит.

Зверь касается моей шеи, жестко фиксирует, снова делает взглядом акцент на губы. Я знаю, что он хочет, но пока не готова ему это дать.

Дальше очерчивает плечи и сжимает грудь. Довольно сильно, с выдохом, который больно жжет кожу. Большим пальцем надавливает на сосок и очерчивает ореолу.

Я была права. Соски стали чувствительными. А я всматриваюсь в его губы и хочу, чтобы он избавил меня от этих ощущений, захватив в рот острые вершинки.

Когда ладонь Исакова доходит до впадинки пупка и движется вниз к лобку, прикрываю веки. Стон застревает в горле, я давлюсь им и зажимаю внутри.

Мне приятно все, что он сейчас делает. Каждое его гребаное властное движение. Как заколдовал, дьявол.

– Какой секс ты любишь? – не разъединяя взгляда спрашивает.

Глядит вглубь меня. В клетки встраивается и меняет их порядок.

Веду плечами, застопорившись на таком вопросе.

– Классический. Наверное.

– Ты не уверена? Ты... девственница? – легко спрашивает.

Открываю рот, чтобы ответить. Сбивает его взгляд. Едкий и колючий.

– Это... проблема? – коряво гну губы в усмешке. Неуместной и совсем не красивой.

– Нет, – бесстрастно отвечает.

Исаков двумя руками фиксирует голову за шею, заставляя смотреть на него. Ответы свои ищет, до правды докапывается. Одной ведет по щекам и надавливает указательным и большим пальцами.

По поверхности тела струится ток силой в тысячи вольт, в воздухе пахнет соленой кожей. Мышцы внизу живота сжимаются от каждого взмаха его ресниц.

Долго молчит. Так, что нервы звенят от натяжения.

– Когда ты в следующий раз решишь накрасить губы красной помадой, будешь делать мне минет. Это понятно?

Медленно прикрываю веки и открываю. Я все поняла.

Его слова и просьба грубая. Застываю в нелепой позе, не вовремя вспоминаю, что помада на моих губах размазана, под глазами, наверняка, потеки туши от дикой жары, а спина покрыта липким потом.

Исаков отходит от меня снова к дивану и усаживается на свое место, широко раздвинув ноги. Тонкая ткань штанов натягивается, и я вижу внушительную эрекцию.

Что я сейчас должна сделать?

Подойти, и...

На мне же красная помада? Или там было что-то про следующий раз?

На каблуках ходить уже невозможно. Мышцы напряжены до предела и при любом движении режут кожу и кости.

Я сажусь ему на бедра, опустив ноги по разные стороны. В промежность упирается твердый член. Ткань штанов и тоненькая ниточка стрингов совсем не преграда.

Задыхаюсь от ощущений. Образы вокруг плывут, жар топит, будто я восковая фигура. Тихо стекаю неравномерными потоками по крепкому телу зверя.

Сглатываю. Слюна медленно обволакивает стенки гортани, и Демид попросту пялится на мое горло. С каждым миллиметром его губы становятся уже, а лицо корежит злоба. Или пик возбуждения.

Мы пересекаемся быстрыми взглядами, а следом я наклоняюсь и целую его шею. Осторожно, словно могу поранить. Поцелуй за поцелуем перехожу на плечи. Их тоже покрываю рваными касаниями.

Я знаю, что мужчинам это нравится. Когда ласкают их руки, боковые стороны шеи, спину и лопатки... пах.

Дохожу до мощной грудной клетки и провожу по ней всей ладонью, чуть надавливая и делая круговые движения вдоль мышц.

Опускаюсь на колени перед ним и целую торс.

Исаков рвано дышит через рот. Челюсть чуть выдвинута, взгляд рубит.

Сейчас он выглядит как настоящий хищник. Властный, жестокий, гордый. А я его... самка.

В эту секунду осознаю что хочу, чтобы зверь стал моим первым мужчиной. Не из-за обязанностей, не из-за данных обещаний и, упаси боже, не из-за страха отказать такому человеку. А просто потому, что нереально хочу его. Исхаков возбуждающе красив, хоть и опасен.

Демид по-нормальному ко мне еще не прикоснулся, не поцеловал. Но устойчивое ощущение, что уже все случилось между нами. Промежность саднит, тело горит.

– Когда я трахаю, я не нежный герой, Маша. Нежность вообще не про меня. В постели я говорю, ты делаешь. Это тоже понятно?

– Значит, ты эгоист?

Мрачно усмехается, заставляя покраснеть.

– Нет. Но тебе понравится.

Демид кладет руку на переднюю часть шеи и сдавливая. Несильно, но ощутимо.

Потом вгрызается в мой рот, языком расталкивая губы. И целует. Глубоко, беспощадно, покусывая нижнюю губу и оттягивая ее. Столько власти в этом поцелуе, я справиться не могу с его силой и мощью. Как ураган налетел.

– Ты не представляешь, с кем связалась, Маша, – говорит, чуть отталкивает меня от себя.

Тело качает из стороны в сторону. Штормит. Сознание дымом заволокло, нос щиплет, глаза пленкой из слез покрылись. Ни одна не стекла.

Он и понятия не имеет, что я знаю, с кем связалась. Знаю. И ненавижу себя за это.

Зверь берет меня под бедра и уносит в спальню. Там пахнет его гелем для душа и почему-то сырой землей подвала.

Глава 13. Маша

Зверь укладывает меня к себе на кровать и накрывает своим мощным телом, как грозовое облако маленький городишко.

Я не успеваю рассмотреть спальню, даже не имею понятия большая ли у Исакова кровать. Здесь довольно мрачно, а все мое внимание направлено на Демида.

Цепкий взгляд разрушает мою броню, и сейчас зверь кажется мне настолько красивым и безупречным, что я вся изнываю от желания.

На мне по-прежнему лишь одни стринги и длинные шпильки. Исаков в штанах.

Наблюдаю, как Демид медленно стягивает с себя одежду и отбрасывая ее в сторону.

Его член красивый и большой, с налитой темно-розовой головкой. От такого роскошного вида все мышцы внутри меня сокращаются, посылая тонну разрядов удовольствия.

Облизываю губы и привлекаю к ним внимание Исакова. Его грудная клетка высоко и часто поднимается. А когда он снова наваливается на меня всем своим звериным весом, я отчетливо чувствую всю силу его дыхания и рокочущей вибрации сердца.

Завораживающе, надо признать.

Демид со мной неласков. Его касания скорее грубые и нетерпеливые.

Ладони кажутся мозолистыми и шершавыми. Только я точно знаю, что это не так. Моя кожа стала настолько чувствительной, что любое прикосновения вызывает скорее неприятные ощущения, чем удовольствие.

– Опusti руку. Потрогай его.

Говорит, глядя в мои затуманенные глаза.

Мои пальцы перебирают жесткие завитки волос на его груди и спускаются к паху. Я оста-навливаюсь ровно на три секунду, чтобы собраться и откинуть волнение, сумбурно перемешанное со страхом.

Обхватываю ладонью толстый ствол и неуверенно веду по нему вверх и вниз. Сама не замечая, как заводжусь сильнее. В животе закручивается узел. Сотни узлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.